

ЭММА МАРС

ФРАНЦУЗСКАЯ ТРИЛОГИЯ

СПАЛЬНЯ, В КОТОРОЙ
МЫ ВМЕСТЕ

ЕММА МАРС
HOTELLES. CHAMBRE TROIS

ПЕРЕД НАМИ НЕ УСТОИТ НИКТО

Французская трилогия

Эмма Марс

Спальня, в которой мы вместе

«ЭКСМО»

2014

Марс Э.

Спальня, в которой мы вместе / Э. Марс — «Эксмо»,
2014 — (Французская трилогия)

Счастливую замужнюю жизнь Анабэль Барле может разрушить крупный общественный скандал, из-за которого ее любимого супруга Луи мечтают отправить за решетку сотни разгневанных парижан. Анабэль знает, что за этим стоит расчетливый брат Луи, Дэвид. Анабэль приходится вести с братьями двойную игру, сделав эротический дневник, который она вела с первых дней знакомства с семейством Барле, главным оружием в своих руках. Но план грозит выйти из-под контроля, и Анабэль балансирует на грани от того, чтобы не утратить любовь и доверие Луи.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Содержание

1	8
2	15
3	21
4	27
5	35
6	41
7	47
8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Эмма Марс

Спальня, в которой мы вместе

*У человека две жизни: вторая начинается, когда понимаешь, что
жизнь только одна...*

Конфуций

Emma Mars
HOTELLES. CHAMBRE 3

Copyright © Emma Mars, 2014
Перевод с французского Л. Шиловской
Художественное оформление П. Петрова

Париж, начало июня 2010, утро в гостиничном номере

Моя рука вздрагивает, затем каждый палец оживает и раскрывается на мятой простыне, медленно, один за другим. Пальцы нежно касаются лучей света, проникающих сквозь жалюзи и отражающихся на наших полусонных телах. Столь прекрасная картина. Если бы только было возможно продлить этот момент на все лето, если бы мы могли остаться здесь так, бездвижно, как ложки, лежащие одна в другой.

Таким было мое первое утро в статусе замужней женщины и хозяйки своей судьбы. Замужней. Я дышу в шею Луи, туда, где распускается самая скромная из вытатуированных роз, покрывающих его плечо. Указательным пальцем я провожу по этому вьющемуся растению. Потом легонько щекочу Луи, и он приоткрывает глаза, расплываясь в довольной улыбке.

Итак, замужем. Прошла всего одна ночь с тех пор, как он лишил меня свободы, устроив затем очную ставку с моими обещаниями из прошлого. Я хотела выйти за него замуж, более того, это я сделала Луи предложение – и вот мы уже муж и жена, по-настоящему, всерьез. Прошла лишь одна ночь, и я задаю себе вопрос: было ли этого достаточно, чтобы я стала другой? Изменилось ли мое тело? Уже год как оно потеряло юношескую округлость и под умелыми руками моего любовника обрело небывалую грациозность. А теперь что будет, что принесет моему телу супружество?

Станут ли наши ласки иными? Утратят ли они свою страсть или, напротив, расцветут с новой силой? Не появится ли между нами что-то абсолютно новое, подобное этому обручальному кольцу, которое было надето вчера мне на палец?

Я отказываюсь от этой мысли. Я хочу верить в вечное возрождение нашего желания. Я не могу представить, что наша страсть, как это случается у многих, из яркого пламени превратится в слабый огонек, а затем в тлеющие угли и пепел.

Наша первая брачная ночь подарила нам все то удовольствие, к которому мы стремились. И даже если я и получила оргазм в лимузине у подножия собора Парижской Богоматери, то это была всего лишь прелюдия той чувственной феерии, которую он подарил мне.

Луи отнес меня на руках в фойе отеля.

Потом расстегнул мое платье в трясущемся лифте.

Разделся сам, в спешке бросая свою одежду через плечо. Некоторые вещи падали на пол, другие цеплялись за плафоны светильников, висящих вдоль коридора.

Мы были полностью раздеты, когда зашли в номер «Жозефины». Держа в руках ключ, Луи отодвинул одну из больших красных занавесок у стены. Там был спрятан замок, открыв

который, мы слышали щелчок в остекленной дверце. Луи толкнул ее, и перед нами оказался вход в комнату номер два. Вотчина пар, связанных узами брака. Кто занимал ее до нас? Андре и Гортензия? Дэвид и Аврора? Была ли комната напичкана такими же камерами, которые увековечили подвиги Дэвида и подвиги моих бывших коллег, девушек из агентства «Ночные Красавицы»?

Я перестала задавать себе эти вопросы, потому что Луи потянул меня внутрь. Отделка, картины и белые простыни, мебель, покрытая безупречно белой краской, – весь этот интерьер был, безусловно, более сдержанным, чем в «Жозефине». Девственное место для того, чтобы здесь все начать с нуля. Я тут же отметила, что в комнате не было других выходов, кроме потайной дверцы. Иными словами, сюда невозможно попасть, не пройдя через «Жозефину», комнату номер один. Две комнаты находились одна в другой, как матрешки. Означало ли это, что, попав сюда, я достигла конечной точки своих исканий истины и удовольствия? Что больше не придется искать еще один ключ, открывать еще одну дверь и исследовать еще одну комнату? Вся эта белизна – действительно ли это чистота возрождения, чистота забвения?

Однако в моей голове еще было множество вопросов и неясностей. Тайна, которая заставила братьев Барле заточить Аврору на Орлеанской площади, оставалась неразгаданной. Всю ночь я прогоняла призраков прошлого, одного за другим, крича, страстно целуя Луи, впиваясь зубами в его шею, плечи и губы.

Каждый приступ дрожи, пробежавшей по телу, каждое сокращение мышц, каждый вздох наслаждения подавляли вопросы, не дававшие мне покоя.

Вопрос: что точно знал Луи о связи, объединявшей Аврору и Дэвида, в тот день, когда они поженились?

Ответ: он так долго и настойчиво покусывал мои соски, что ощущения становились почти болезненными. Но вскоре эта сладострастная пытка породила возбуждение, которое разлилось по моей груди, животу и дальше, ниже, к напрягшемуся и распускающемуся бутону, сокрытому от глаз.

Вопрос: о каких предательствах говорил Дэвид, когда в утонувшей во тьме комнате, отдав меня моим истязателям, он выплюнул мне прямо в лицо всю ненависть, которую питал к брату?

Ответ: Луи исследовал каждый сантиметр моего тела своим гибким, влажным, настойчивым языком.

Вопрос: какие еще секреты они скрывают от меня, тот и другой? Какое еще чувство связывает их с общей любовью юности, Аврой?

Ответ: он отнес меня на единственный стул, находившийся в комнате, сел на него и посадил меня к себе на колени так, что я очутилась прямо на его возбужденном члене. Наши тела сливались в ярком свете, падавшем из соседнего окна. В это мгновение мы были единым силуэтом, который опускался и поднимался, сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее. Луи так глубоко вошел в меня, что я ощущала себя наполненной до краев. Когда наши губы слились воедино, между нами внезапно возник поток энергии, словно родившийся изнутри и циркулировавший по кругу между нашими телами, словно они были полусферами одной планеты. Мое наслаждение вытекло кипящими ручьями, световым потоком, который в тот же миг ослепил нас.

Да, к счастью, я больше не была в объятиях призрака. Наконец он входил в меня, дрожал на мне, стонал мне на ухо. Наконец его запах не был лишь воспоминанием, и я окутывалась в эту пелену ощущений, словно щенок, кувыркающийся в одеяле.

Когда я ногтями поцарапала спину и правое плечо Луи, его лицо на мгновение исказила гримаса боли. Любопытный взгляд, тут же брошенный мной на его шею, открыл для меня новую причуду Человека-Алфавита (хотя, впрочем, я знала от Стефан об этом его плане):

две буквы *S. F.*, обозначающие *Semper Fidelis* (лат. *всегда верен*), были вытатуированы на коже без завитков, четко и резко. Всегда верен. Верен кому? Мне? Той клятве, которую мы только что произнесли?

На секунду у меня появилось желание задать ему вопрос: не предает ли он меня в некотором смысле, храня молчание и скрывая от меня свое прошлое.

Но он обхватил мои бедра и крепко прижал меня к себе. После ночи, полной вздохов и стонов, день, когда мы стали мужем и женой, только начинался. И сейчас мне было так приятно довольствоваться этим фактом. Наслаждаться и наслаждаться снова, чтобы забыть обо всем остальном. Чтобы лучше защитить нас.

1

8 июня 2010

Мы провели не больше суток в комнате номер два. Теперь, когда перед нами лежала целая жизнь, казалось, что время удивительным образом сжалось. Это был страх, который мне представлялся необоснованным и который я с трудом могла принять.

– Почему бы нам не остаться здесь? – произнесла я из-под мятых простыней. – Ведь здесь хорошо, да?

Безусловно, в моей мольбе прозвучала нотка ностальгии. В конечном счете месяцы, проведенные в «Жозефине», были созвучны с удовольствием, ленью и беспечностью. Идеальная жизнь-мечта, которая сияла в моих воспоминаниях как золотой век нашей любви.

Луи ответил мне обезоруживающей улыбкой, которая с нашей первой встречи разрушила все мои предубеждения по отношению к нему. Улыбка, которую остальные могли бы расценить как соблазнительную, но в которой для меня скрывались детская искренность и непосредственность. Необходимо сопротивляться соблазнам, чрезмерно уверенным в себе, но разве можно всерьез бороться с такой свежестью и сладостью?

Он свернул подушку валиком так, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с моим, и ленивые лучи уходящего дня раскрасили радужными красками его глаза.

– Должен ли я напомнить мадам Барле, что в ее распоряжении отныне есть более уютный дом?

Ласкаемая ровным дыханием Луи и легкими нотками его парфюма, я была не в состоянии спорить.

Особняк Мадемуазель Марс с его сотнями квадратных метров и недавно отреставрированной, романтической обстановкой ждал нас. Но...

– Я думала, что полиция опечатала его до получения нового приказа?

– Нет. Зерки добился, чтобы опечатали только дверь в подвал. Остальная часть дома в нашем распоряжении.

И снова его незаменимый адвокат чудесным образом устранил все сложности. И что, теперь так будет всегда? Хватит ли ему мастерства, чтобы развеять судебные тучи, которые по-прежнему нависали над моим мужем?

– Мы можем вернуться туда прямо сейчас... Если ты согласна, конечно.

На гляцевых страницах интерьерных журналов, так и побуждающих к восхищению им, Особняк мадемуазель Марс казался дворцом, о котором мечтают все молодожены. Тем не менее мне не удавалось вызвать в памяти ни одного приятного воспоминания об этом месте. Оно было прекрасно, совершенно, но ничего в нем не было связано с нашей любовью, нашими чувствами.

– ...И ничто не мешает тебе уединиться в своей маленькой квартире-студии, когда ты этого захочешь. Например, чтобы писать, – сказал он, нежно глядя на меня.

Это напоминание о нашей общей страсти, безусловно, не оставило меня равнодушной. И тот факт, что я могу укрыться в своем гнездышке под крышей, успокаивал меня. Я не буду пленницей Особняка мадемуазель Марс, как когда-то Аврора в квартире Жорж Санд на Орлеанской площади. В любой момент я смогу вернуть себе независимость в Маре, в нескольких остановках метро от нашего дома. Так почему же я считала это возвращение «к нам домой» отступлением?

Негромкий стук, внезапно раздавшийся за стеклянной дверью, избавил меня от необходимости придумывать ответ прямо сейчас. Луи вскочил с постели, голый, и открыл дверь

Исиаму. Тот дал мне немного времени, чтобы я успела натянуть на себя простыню, которая была почти прозрачной из-за падающего сзади света, и вошел, улыбающийся и смущенный.

– Здравствуйте, мадемуаз’Эль, – поприветствовал он меня с обычной почтительностью, держа в руках большую дорожную сумку.

– Здравствуй, Исиам. Входи.

Правда в том, что этот молодой шриланкиец был, если не считать Сони, одним из самых близких мне людей, одним из тех, кого я с радостью встречала вновь. То, что в данный момент он находился в этом номере, мне казалось абсолютно естественным. И по тому приятельскому духу, который объединял нас, я поняла, что «Шарм» был, без сомнения, именно тем, что больше соответствовало моим представлениям о доме, таком же странном и нелепом, как этот маленький публичный дом.

Исиам распаковал мои вещи, достав их из сумки, за которой Луи предусмотрительно отправил его ко мне домой, и аккуратно повесил все на спинку стула. После чего, взяв протянутые Луи деньги за выполнение этой просьбы, он с заговорщицкой улыбкой удалился.

Мой муж оделся несколькими ловкими движениями и, стоя перед кроватью в рубашке и белых льняных брюках, летний, солнечный, обратился ко мне игривым тоном, имитируя воркующий акцент коридорного:

– Не соблаговолит ли мадемуаз’Эль взять на себя труд сопроводить меня в наш замок?

Он, резко потянув меня к себе, проверил руками, которые уже лежали на моих обнаженных бедрах, изменения моего тела, ставшего его абсолютной собственностью. Только Луи мог объективно оценить эти изменения. Он видел меня полноватой, затем более стройной, подтянутой и, наконец, достигшей своего расцвета женщиной. Луи уткнулся носом в ямочку на моей шее и с силой вдохнул, словно я была его наркотиком.

– Обожаю запах твоей кожи, когда выветривается аромат духов...

– Знаю... Я пахну божественно прекрасно! – дурашливо ответила я.

Но настойчивость его взгляда говорила о том, что он совсем не шутит. Рука Луи плавно переместилась с моих ягодиц на затылок, который он нежно сжал.

– Как ты думаешь, ты сможешь больше не пользоваться ими?

– Духами? – воскликнула я.

– Да... Чтобы дать мне почувствовать тебя такой, какая ты есть, только *ты*.

Ну вот, Луи опять взялся за свои причуды. Еще одно из тех испытаний, от которых он, между стонами и вздохами прошлой ночью, пообещал меня избавить в будущем.

Я снова легкомысленно приняла вызов:

– Мой дорогой господин, помешать мне пользоваться духами можно только через мой труп.

– Очень хорошо, я как раз намеревался это сделать, – подхватил он мой шуточный тон. – Скажем... лет через пятьдесят – шестьдесят. Это вас устраивает?

– Хм, – ответила я, изобразив недовольную гримасу, – лучше и не придумаешь. Я принимаю ваши условия.

И после нескольких настойчивых поцелуев он вошел в меня, стоя, в одежде, лишь достав свой член из слегка приспущенных брюк. Ничто мне так не нравилось, как эти внезапные порывы страсти. Нам никогда не было так хорошо, как в те минуты, когда мы давали волю спонтанным вспышкам страсти.

Он легким движением развернул меня и бросил лицом на кровать, так, что мой живот упирался в ее край, а колени едва касались пола. Луи опустил на корточки позади меня, и тотчас же я почувствовала, как его язык разбудил мою плоть, мою вагину и мой анус, маленьких сонных зверьков. Они фыркали один за другим, дрожа под его влажным языком, и, когда он крепко схватил мои ягодицы, уже требовали острых ощущений. Луи чередовал свои сексуальные игры пальцами, языком и носом, вводя их поочередно в мою плоть. Я

раскрывалась навстречу ему все больше и больше, дрожа от нетерпения и истекая желанием. Моя плоть или скорее *наши* изголодавшиеся друг по другу тела были связующей нитью наших отношений, и мы возвращались к ней на каждом важном этапе нашей истории.

Мы никогда не составляли список наших любимых поз, но поза «по-собачьи» была, без сомнения, самой предпочтительной. Луи давно это понял интуитивно, прислав мне больше года назад анонимную записку, когда он еще был для меня всего лишь одним из помогающих меня незнакомцев, без имени и лица: *«В позе левретки я испытываю оргазм чаще, чем в других положениях... как раз потому, что это – по-скотски!»* С нашей первой ночи, проведенной вместе, это совместное предпочтение сразу стало очевидно.

Вопреки обыкновению, он не вошел в меня сразу, а стал медленно водить головкой члена по краю влагиалища, постукивая по моей промежности и приоткрывшимся половым губам напряженной до предела уздечкой, влажной от желания. Ему доставляло явное удовольствие дразнить и разжигать во мне жажду тела, превращая ее в пытку... До тех пор, пока у меня не осталось другого выбора, кроме как умолять:

– Возьми меня... Пожалуйста, возьми!

Луи ввел свой член с точностью щеголя, надевшего перчатку на руку, стремясь прочувствовать каждое ощущение, которое он мог получить от постепенного погружения. Затем он углубился вперед, войдя в меня последним резким толчком, без всяких размышлений. Как он это делал в лимузине накануне, сначала довольствуясь тем, что подрагивал головкой своего члена в моих недрах. Каждый спазм стимулировал мою трепещущую плоть и пробуждал самые отдаленные уголки вагины.

Но вскоре он вновь оживился и начал входить и выходить из меня более уверенными, резкими толчками. Татуировка в виде листочка на его лобке впечатывалась между моими ягодицами каждый раз, когда Луи с силой входил в меня. Сегодня я уже не считаю, что эта поза пробуждает во мне животную сущность. Все, что она делает со мной, это заставляет забыть, кто я есть, чтобы быть лишь возбужденной плотью. Да, это так: мне нравилось отдаваться его самым безумным порывам.

Финальное ускорение вызвало настолько сильный прилив (чего я не испытывала никогда в жизни), что я больше не могла сдерживать пронзительный крик, который не прекращался все время, пока мы вместе испытывали одновременный оргазм.

Крик прощания с «Шармом». До свидания, беззаботность. Здравствуй, наша супружеская жизнь.

Я побаивалась возвращения на улицу Тур де Дам. Не хватало еще, чтобы мы там встретили Дэвида. Но нет, улица была пустынна в этот ранний солнечный вечерний час, и только мяуканье голодной Фелисите нарушило тишину и спокойствие данной минуты.

– Иди сюда, моя красавица! – прошептала я, беря на руки мурчащий пушистый комочек.

Дэвид, мой деверь, не давал знать о себе с того самого момента, как устроил мне ловушку в темной комнате «Шарма».

Я боялась его появления, но при этом, однако, горела желанием свести с ним счеты и за тот вечер, и за месть, которую он намеревался обрушить на своего брата. Но инструкции Жана-Марка Зерки, адвоката с напояженными волосами, были строгие: если мы хотим сохранить преимущество над соперником, необходимо держаться от него на почтительном расстоянии. Он наш сосед, что, безусловно, усложняет задачу, поскольку избежать случайных встреч с ним в таком случае практически невозможно.

Мы с легкостью могли притворяться, что не знаем о существовании Дэвида, могли не произносить его имя вслух, но вычеркнуть его из жизни было не в наших силах. Все напоминало о нем, включая корреспонденцию, скопившуюся на входной стойке. Среди конвертов и рекламных листовок я увидела обложку и логотип «Экономиста», еще запечатанного

в прозрачную пленку. Журнал Франсуа Маршадо выходил еженедельно по средам, однако подписчики получали его уже во вторник. Тот экземпляр, который я держала в руках, пришел сегодня утром, он был только что отпечатан и лежал под бандеролью. Увидев красный броский заголовок с текстом внизу на первой полосе, я едва не закричала от изумления:

«Барле: дневник избалованного ребенка».

Я разорвала упаковку и дрожащей рукой лихорадочно пролистала страницы до моей колонки, так нервничая, что случайно оторвала рекламный лист косметики для зрелой кожи, «лицом» которой была одна немолодая голливудская дива.

Отыскав наконец свой материал, разместившийся на целых трех страницах, с портретом Дэвида во весь разворот, я не знала, должна ли прыгать от радости и гордости или рычать от ярости. Эта статья была символом моего вхождения в «большую прессу», любой начинающий журналист в возрасте двадцати четырех лет рассматривал бы этот факт как посвящение. Однако, называя Дэвида своим именем, Маршадо нарушил наш уговор. Он осуществил маленькую личную месть за счет интересов Луи и моих тоже. Доказательством этого служила формулировка заголовка на первой странице: было сделано все, чтобы подпортить репутацию генеральному директору группы Барле в самый критический момент для его предприятия. «Дневник избалованного ребенка»! Это слишком расходилось с той нейтральной формулировкой, о которой Маршадо говорил мне. «Частная жизнь главы компании биржевых маклеров. Или что-нибудь в этом роде», – сказал он.

Единственной из наших договоренностей, которую Маршадо выполнил, было использование псевдонима – я выбрала его в качестве оскорбления, адресованного Дэвиду, но, ассоциируясь с фамилией Барле, он выдал меня с головой: Эмили Лебурде. Кто еще, кроме меня, мог знать эту фамилию, так тесно переплетенную с историей Дэвида, и кто еще мог располагать такими пикантными подробностями о личной жизни вспыльчивого владельца бизнеса?

– Что ты читаешь? – спросил Луи из другой комнаты.

– Да так, ничего... – уклонилась я от ответа. – Политические сплетни в «Экономисте».

Я ничего не сказала об этой пресловутой колонке, не сомневаясь в его реакции. Я закрыла еженедельник и спрятала его, зарыв под грудку других журналов.

– Твоя любовь к этой кучке дряхлых политиканов, страдающих манией величия, всегда меня удивляла, дорогая.

Сказав так, он оставил меня и пошел заниматься делами. Но сообщение на автоответчике вновь всколыхнуло мои опасения и его бдительность:

– *Здравствуйте, Анабель...*

Это был голос Хлои, личного секретаря Дэвида. Я нажала на кнопку громкости, чтобы убавить звук до минимума, но худшее уже случилось. Луи тотчас же вернулся в зал.

– Что ей от нас надо?

– Тссс! – шикнула я на него с раздраженным жестом.

Поскольку я уже не могла скрыть звонок от Луи, надо было хотя бы послушать, о чем речь.

– *...Дэвид поручил мне позвонить вам по поводу вашей статьи в «Экономисте»...*

Луи недоуменно вытаращил глаза. «Статья?» – сказал он беззвучно, одними губами, чтобы не прерывать это так некстати полученное сообщение секретаря.

– *...Он хотел бы увидеться с вами...*

– Об этом не может быть и речи, – прошептал Луи, отрицательно покачав у меня перед носом указательным пальцем.

– *Я не хочу вас беспокоить, но я случайно услышала отрывок из разговора, когда он беседовал со своим адвокатом, господином Боффором, сегодня утром... И тот упоминал о передаче иска о клевете в суд.*

В ее тоне, внезапно зазвучавшем более уверенно, я заметила нотку ликования. Наверное, она была счастлива от мысли, что мне придется предстать перед правосудием и ответить за оскорбление ее хозяина, мне, той, что имела дерзость шантажировать Хлою в связи с ее сексуальной ориентацией.

– ...Этой неприятности еще можно избежать, но нужно, чтобы вы встретились с Дэвидом как можно быстрее. Буду вам признательна, если вы мне перезвоните, как только получите сообщение. Мы договоримся о встрече.

– Значит, вот что ты рассматривала с таким заговорщицким видом? Свою статью в этой газетенке? – спросил меня Луи резким сухим тоном, как только дослушал сообщение.

– Это совсем не то, что ты думаешь...

– Я ничего не думаю. Я хотел бы только, чтобы ты мне все объяснила. Я напоминаю указания Жана-Марка: как можно меньше контактов со стороной противника до начала процесса.

Зерки-прилизанный очень четко выразился по этому поводу за бокалом вина несколько дней назад, когда мы сидели все вместе на террасе «Трезора»: ни в коем случае не допустить, чтобы Дэвид увидел хоть краем глаза то, что у нас есть на него – особенно знаменитое видео с русскими проститутками. В преддверии двух слушаний (одно – по делу Делакура, второе – касающееся скандала в галерее Соважа) это было очень важно. Пока суд не вынес решение, угроза тюремного заключения сроком до трех лет по-прежнему висела над головой Луи. Этого было достаточно, чтобы понять его взволнованность и осторожность.

Я рассказала Луи об условиях сделки, которую заключила с Франсуа Маршадо: статья о повседневной жизни генерального директора группы Барле в обмен на информацию о его связях и способах расследования.

– И ради того, чтобы копаться в прошлом моей семьи, ты поставила под угрозу мое нынешнее положение, – помолчав, резко заключил он.

– Я ничего не ставила под угрозу. Сообщение Хлои – это всего лишь блеф.

– Почему-то мне так не показалось...

– С юридической точки зрения нет доказательств, что я автор статьи. Если адвокат Дэвида хочет во что бы то ни стало свалить на кого-нибудь вину, он может это сделать только с официальными представителями «Экономиста».

– Зная Боффора, я готов держать пари, что жалоба, которой он угрожает, уже подана в суд. Этот тип – настоящий ротвейлер: ты не успеешь показать ему палец, как он откусит всю руку.

Как будто поняв, что речь идет о собаках, Фелисите пришла и встала между нами, потершись о лодыжки Луи, затем о мои ноги.

Я уже собиралась отступить, оставив Луи с его плохо сдерживаемым раздражением, когда он уже более мягко и ласково взял меня за запястье.

– Могу я тебя спросить...

Казалось, Луи колеблется. Или он боялся моего ответа?

– О чем же?

– ...О том, что же нашел Маршадо, суя везде свой нос?

Ага, все-таки мои поиски интересовали его, того, кто сам всегда уклонялся от моих вопросов и бессовестно лгал о своем прошлом.

Может, это было знаком того, что он постепенно начинает открываться? Может, Луи собирался поделиться со мной последними секретами своей жизни сейчас, когда брак сделал нас единым и нераздельным целым? Или он просто пытался убедиться, что мой союзник и я играем на его стороне и что ничего из наших недавних «находок» не причинит ему вред?

– Ничего такого, чего бы ты уже не знал об Эмили и Дэвиде Лебурде.

Я намеренно выбрала эти имена и эту фамилию. Стоя с невозмутимым выражением лица, Луи не пошевелился. Но его молчание означало согласие.

– ...Или ничего такого, чего бы ты уже не видел, впрочем, – продолжила я, доставая из сумки свой ноутбук.

Несколькими быстрыми кликами я вывела на экран последние данные, которые прислал мне Маршад: рождественское фото под елкой (снимок семьи Лебурде), затем заявление о приеме Эмили в Сен Броладр.

– Ну что ж... Предполагается, что я должен что-нибудь добавить к этому? – спросил он с суровым выражением лица.

– Я не знаю. Это ты должен мне сказать... Речь идет о твоём приемном брате и о твоей большой юношеской любви.

Он скривился, словно не соглашаясь с последней фразой.

– Что? – Я продолжала настаивать. – Разве не так ты к ней относился?

Он уставился на меня странным взглядом, в котором мелькали то нежность, то горечь, словно это откровение, к которому я мягко подводила Луи, было для него как облегчением, так и унижением.

– Так, – тихо согласился он. – Так.

– Ты очень ее любил?

– Да, – снова сказал он.

– Разве что тебя смущает ее имя. Ты предпочитаешь, чтобы я называла ее Аврора?

– Нет. Это не важно.

Его внутреннее смятение читалось в дрожании уголков губ. Небольшие морщинки появились на лбу и в уголках глаз.

Точно какая-то внешняя сила не позволяла Луи произнести слова, которые бы его наконец освободили. Он был словно заперт изнутри, но у кого же ключ?

– Тогда что же? Ты все еще ее любишь?

– Нет, конечно! – резко возмутился он.

Но тотчас же взял себя в руки и, обхватив мою талию, прижал меня к себе изящным движением, словно танцор танго.

– Ты знаешь, *кого* я люблю сейчас.

– Ее двойника? – Я намеренно задала этот вопрос, желая, чтобы он опроверг мое предположение.

– Я не могу обманывать тебя, именно так я думал поначалу, узнав о твоём существовании... Но то, что у нас было с ней, не идет ни в какое сравнение с тем, что сейчас происходит между мной и тобой.

Впервые он открыто говорил об Авроре как о важной части своей прошлой жизни.

– Вот как?

Он на мгновение задумался, подбирая слова, и затем с пылким блеском, появившимся в глазах, заявил:

– Я никогда не посвящал Аврору во все, что со мной происходило. Я никогда не проводил целый год, закрывшись в «Шарме», чтобы заниматься с ней любовью дни и ночи. Я никогда не разделял с ней той страсти к писательству, которая объединяет нас с тобой...

Перечень всего того, что нас сближало, оказался убедителен. Но тем не менее мысль о том, что я была всего лишь более молодым и в самом деле более страстным двойником, по-прежнему терзала меня...

– Если наши отношения тебя настолько удовлетворяют, у тебя нет никаких причин сердиться на Дэвида.

– И впрямь... На самом деле я всего лишь пытаюсь защититься от его нападков. Как только мой судебный процесс завершится, я буду думать, что мы с ним квиты.

Я не смогла удержаться от мысли, что каждый продолжит придерживаться *своей* версии об одной и той же женщине и секреты будут по-прежнему надежно держаться в тайне.

Но если было похоже, что Луи готов зарыть в землю топор войны, то наступательные действия, которые предпринял сегодня Дэвид, не казались мне вдохновленными таким же пацифизмом. Что еще он приберег для нас? На секунду подумав о фотографии со мной, голой и распятой, которую Дэвид сделал в черной комнате, я заставила себя прогнать из головы эти воспоминания.

– В свою очередь, – вновь заговорил Луи, запечатлев нежный поцелуй на моем лбу, – я ожидаю от тебя такого же нейтралитета. Прекращай свои игры в Шерлока Холмса.

– Какая жалость. Я только вошла во вкус этой роли, – попыталась отшутиться я.

– Я серьезно, Эль: Аврора – биологическая сестра Дэвида. Однажды мы поругались из-за нее. Она еще жива и сделала свой выбор в пользу отшельнической жизни... На этом история заканчивается. Копать дальше нет смысла. Договорились?

«На этом история заканчивается». Хотела бы я быть в том уверена. О чем же тогда говорят визиты Армана на Орлеанскую площадь? О причастности Эмили-Авроры к владению управляющей компании по недвижимости «Шарма»? О создании «Ночных Красавиц», эскортного агентства, организованного с единственной целью: найти меня, меня, двойника Авроры, по *ее* инициативе? Или также о том соглашении, которое, очевидно, заключили братья Барле, чтобы укрыть Аврору от лишних взоров и заставить всех поверить в ее исчезновение?

Но я в очередной раз усыпила свои сомнения и скрепила статус-кво поцелуем. Я крепко прижалась губами к его губам, чтобы надежнее удержать те слова, которые хотели сейчас сорваться с них.

2

10 июня 2010

На следующий день после нашего возвращения на улицу Тур де Дам я почувствовала необходимость улизнуть из дома. Луи окружал меня вниманием и заботой, делая все, чтобы я полюбила это место, равно как и семейную жизнь, но я испытывала жажду независимости и свободы, которую не могло обуздать ничто. Его руки с несказанной нежностью обнимали меня, но при этом были оковами, от которых порой хотелось избавиться. Надо полагать, слишком много счастья убивает ощущение счастья.

Хоть я и приняла условия нашего соглашения о нейтралитете, я тем не менее не желала превращаться в Аврору... в прекрасную пленницу, живущую в каменной клетке, полной историй и тайн.

Поэтому я придумала легенду о поиске работы на полный рабочий день, более стабильной, чем колонка в «Экономисте». Только так я могла оправдать свои регулярные отлучки. Луи же планировать сейчас хоть какое-нибудь профессиональное будущее был не в силах. Пока его сложности с правосудием не решатся, пока он будет находиться в центре клеветнической кампании, которую Дэвид развернул против него при помощи Антуана Гобэра, его новая деятельность владельца галереи не сдвинется с мертвой точки. Очевидно, что галерея Барле-Соважа не откроет вновь свои двери еще долгие месяцы. Но, казалось, Луи больше недоволен этим фактом, чем действительно обеспокоен.

– Ты же знаешь, что с той компенсацией, которую выбил для меня Зерки, мы можем прекрасно жить вдвоем до конца наших дней, совершенно не беспокоясь о деньгах, – говорил он, скорее чтобы успокоить себя, чем предложить мне воспользоваться той роскошной праздностью, которой он непринужденно наслаждался.

Луи не обманывал: выходное пособие, полученное по итогам переговоров его адвоката с группой Барле, позволяло нам жить в самых комфортных условиях, не отказывая себе ни в чем. Тем не менее я уже заранее предполагала, что эта ситуация, которую другие восприняли бы с восторгом, как выигрыш в лотерею, для меня вскоре превратится в золотую клетку.

Я нашла отличный аргумент, с которым Луи не мог не считаться.

– Тебе легко говорить... Ты привык получать все, не прилагая усилий. Я воспитана по-другому. Если даже моей зарплаты хватит только на то, чтобы оплатить наши ужины в ресторане, необходимо, чтобы я зарабатывала хоть что-то своим трудом. Понимаешь?

– Думаю, да... Наверное, на твоём месте я бы отреагировал точно так же.

– Я не собираюсь идти наперекор тебе, – добавила я, нежно глядя тыльной стороной ладони его легкую щетину. – Это для меня... для мамы.

– Твоя мать умерла, Эль. Почему, делая выбор, ты руководишься ее мнением?

Вместо Центра занятости я обычно посещала городские кафе. Наслаждаясь почти знойным весенним солнцем, я грелась на террасах с самым прекрасным обзором и сравнивала достоинства подаваемого в разных местах коктейля «Монако». От столика к столику, с одной улицы на другую я добралась до северной границы 9-го округа, выйдя на Итальянский бульвар. У входа в кинотеатр мое внимание привлекла одна выделяющаяся среди других афиша: «Незнакомка из Парижа». Еще больше, чем само название, меня заинтересовал слоган фильма, который вызвал ряд воспоминаний, и заставил зайти в недавно отреставрированный кинокомплекс. «Прошлое убило ее настоящее». Это был фильм в стиле ретро, на съемках которого я случайно побывала в прошлом году, на станции метро «Сен-Жорж», когда направлялась на свидание в «Шарм».

Сюжет показался мне довольно слабым, и если бы меня не пленили многочисленные сцены, снятые в Новых Афинах, я бы, без сомнения, ушла из зала до окончания фильма. По забавному совпадению история кино рассказывала о мести женщины, брошенной ради другой, во время ее депортации в Польшу. Чудом уцелевшая, она возвращается в Париж и обнаруживает, что соперница похожа на нее как сестра-близнец. Воскресшая из мертвых героиня неотступно преследует мужа и его спутницу, в итоге убивая вероломную парочку тем способом, которым уничтожали многих людей за годы ее заключения: газ.

Сцены, снятые на моих глазах, показывали в конце фильма. Это был тот момент, когда выжившая героиня готовилась совершить свой роковой поступок. Она выходит из метро и пересекает площадь Сен-Жорж, направляясь к улице Нотр-Дам-де-Лоретт. Длинный операторский кран следует за героиней, сопровождая ее ход, затем движением крана камера отрывается от земли, подчеркивая неизбежность драмы.

– Что за черт...

Я воскликнула это вслух. К счастью, зал был на три четверти пуст.

Я так и осталась сидеть еще долгое время после окончания титров, не в состоянии выйти из ступора. Поскольку в тот самый момент, когда героиня уходила с площади, я безо всяких сомнений узнала женский силуэт на заднем плане. Проходящая шла по улице Нотр-Дам-де-Лоретт в обратном направлении, лицом к камере. Под этим углом было невозможно не узнать ее. Аврора...

Следовательно, мы обе, и она, и я, были на этих съемках и все-таки не встретились... Произошло ли это в тот день, когда мой бывший клиент заметил ее?

Отныне больше нельзя делать вид, что я принимаю желаемое за действительное. Есть реальное доказательство ее существования в июне 2009, там, на последних кадрах пленки.

– Почему ты говоришь так тихо? Ты в церкви, что ли, или где?

– Я в кино, Соня.

– В «Антикваре» через 20 минут?

– Через десять... я неподалеку.

Прошли годы, а наша «штаб-квартира» не изменилась. Она по-прежнему была пропитана духом компанейства и любви к коллекционным вещам. Сегодня по случаю аукциона в отеле «Друо» здесь собрались ценители старинных часов. Компания состояла из мужчин лет пятидесяти, выставивших напоказ свои круглые животы и твидовые пиджаки. Я не смогла удержать воспоминание о том «Ролексе», который чуть не купила Дэвиду в бутике неподалеку.

Соня уже сидела за столиком, дуя на дымящийся кофе. Это было не похоже на нее. Я уже собиралась поделиться с подругой своим открытием, сделанным в кино, но она заговорила первая, с мрачным взглядом и напряженным выражением лица:

– Фреда уволили.

– Ох... Сожалею.

– Не больше, чем я.

Наоборот, я против своей воли огорчилась не меньше, потому что в этой несправедливости была непосредственно моя вина. Фреда разоблачили, когда я поручила ему следить за Ивом, программистом, нанятым Дэвидом для взлома и получения доступа к переписке Луи.

– Его приятеля Фрэнки тоже уволили.

– Они сослались на какую-нибудь конкретную причину?

– «Злоупотребление и использование данных компании в личных целях». Серьезная статья. Никаких компенсаций при увольнении. Никаких выходных пособий по безработице. Ни-че-го. Их выставили ни с чем.

Она залпом выпила кофе, оставив на дне чашки кофейную гущу. Мне было несложно прочесть будущее этих двух уволенных: оно было не радужное.

– За тот год, что он там проработал, он не отложил немного денег?

– Фред? Шутишь. Ты знаешь не хуже меня, что с самой первой зарплаты он тут же все спускал на запчасти для своего мотоцикла. Честно говоря, хуже и быть не могло...

– Такие вещи, – попыталась я смягчить ее отчаяние, – никогда не случаются вовремя.

– Нет, но сейчас... действительно, это случилось в самый неподходящий момент.

– Что ты этим хочешь сказать?

Соня начала нервно накручивать на палец один из своих непослушных локонов, ее взгляд блуждал за стеклом витрины, затем она потупила взор, уставившись на фарфоровую чашку со следами кофе. Такая скромность была совсем не в ее духе.

– Ну скажем... – тянула время она. – Я не уверена, что хочу продолжать с ним отношения. Но сейчас, учитывая сложившуюся ситуацию, не могу его бросить.

– Что? – воскликнула я, привлекая взгляды толстопузых коллекционеров. – Я думала, что у вашей парочки все отлично срослось?

– Да... Особенно у него, в конце концов, он прирос ко мне, и даже слишком.

Я прекрасно узнала в этих словах того Фреда, с которым встречалась одно время, настолько не уверенного в себе, что он душил партнершу своим присутствием и знаками внимания, иногда чересчур неуклюжими.

Но я так же хорошо, практически наизусть, знала Соню и смутно подозревала, что есть иная причина этой преждевременной утомленности отношениями.

– У тебя завелся кто-то еще! – заявила я. – Это так?

Она ограничилась утвердительным кивком и, казалось, была в замешательстве. По моему, впервые Соня выступала передо мной в роли маленькой девочки, пойманной с поличным, а я в роли ее матери.

– Только не говори, что это тот тип из отеля! Парень, с которым ты встречаешься в темноте!

– Да, это он... – нехотя призналась она, все больше чувствуя себя пристыженной.

– В конце концов, Соня, ты не можешь строить отношения с мужчиной, которого даже не видела при свете дня. К тому же ты трахаешься с ним всего два раза в месяц. Это черт знает что!

– Я знаю, – прошептала она. – Но это сильнее меня. Каждый раз, когда он предлагает мне снова встретиться, я томлю его пару дней... а затем сдаюсь. Я постоянно думаю о нем.

– Что в нем такого необычного?

Прошло уже полтора года с тех пор, как она сказала мне об этом человеке впервые. Эти отношения, такие странные, стали самыми длительными и постоянными, которые у нее были за последние десять лет. По-своему этот мужчина приносил некоторую эмоциональную стабильность в нестабильную жизнь Сони.

– Самое ужасное, что я не имею о нем ни малейшего представления... А если в итоге обнаружится, что это какой-нибудь невыносимый мудака? В любом случае тот, кто платит девушке и спит с ней в крошечной темноте, не видя даже ее лица, на протяжении долгого времени, должен быть реально чокнутым.

Неужели Соня, коллекционер секс-игрушек, стриптизерша в пип-шоу, всегда клявшаяся только сексом, возмущена его поведением, хотя раньше наслаждалась столь соблазнительной и заманчивой странностью? Такая разительная перемена показалась мне явным признаком ее привязанности к этому типу.

– Я не знаю... Полагаю, что у этого парня такие же фантазии, как у каждого из нас. Ты сама, – напомнила я ей, – тоже любишь подобные штучки.

– Ну да, ты права... Именно это меня и беспокоит. Заниматься проституцией – одно. Но влюбиться в типа, которому ты продаешься...

– Прекрати видаться с ним.

– Ты оглохла, что ли? – раздраженно ответила она. – Я только что тебе говорила, что не могу сказать ему «нет». Он запал мне в душу больше, чем все те, с кем я когда-либо спала.

– В таком случае пусть твой мобильник сделает всю работу за тебя.

– Прости?

– Попроси Фреда. Когда я была в учебном центре переподготовки журналистов, меня домогался один из сокурсников. Фред установил гениальное приложение на мой телефон, которое фильтровало входящие сообщения, блокируя тех, кто не был в списке моих контактов. Это радикальное решение.

Она захлопала ресницами в знак одобрения, но тут же продолжила свое наступление:

– Хорошо... Но если он будет меня преследовать?

– Он знает твоё имя? Знает, как ты выглядишь?

– Нет, – согласилась она. – Ты права. Ребекка пообещала, что организует нашу первую встречу, не показывая ему мою фотографию. Это даже входило в требования клиента.

– В таком случае, видишь, тебе нечего бояться... Ты загрузишь чудесное приложение Фреда, и прощайте, господин извращенец!

Подобие улыбки оживило её лицо, но мой смартфон прервал нашу беседу. «Франсуа Маршадо», – высветилось на дисплее. Обменявшись несколькими короткими фразами, мы договорились, что он присоединится к нам в «Антикваре». Маршадо сгорал от нетерпения поделиться своими находками.

Я почти не рассказывала подруге о сотрудничестве с журналистом, но сейчас пришло время. Я начала с того, что показала ей статью в «Экономисте», затем два неопровержимых документа, присланных мне Маршадо. И закончила рассказом о соглашении с Луи по поводу моих открытий.

– Хм, – произнесла она скептическим тоном. – Я не сомневаюсь, что Луи искренне любит тебя и старается наладить отношения с братом.

– Но? – поторопила я её.

– Но я считаю, дорогая моя, что это ещё не все сюрпризы, которые тебя ожидают.

Самым подозрительным, на её взгляд, было то, что ни один из братьев Барле не начал жить нормальной жизнью после мнимого исчезновения Авроры.

– По правде говоря, подумай сама: они ловко прячут девушку, закрывают её в роскошной квартире, стирают все следы её существования... И в течение стольких лет никто из них не заводит вообще никаких длительных отношений? Все это полный бред. Либо они тебе не говорят правды об истории их любовных отношений за последние двадцать лет, либо они продолжали видаться с ней.

– Возможно, – уклончиво ответила я.

– Ты понимаешь, что я имею в виду: не просто для того, чтобы принести ей почту или цветы...

– Да, я поняла.

– Черт возьми, я не могу поверить, что Дэвид спал со своей собственной сестрой... Этот тип никогда не слыхал об инцесте?

Чтобы прогнать картинку, появившуюся в моем воображении, и чтобы закрыть тему, я рассказала ей о призрачном появлении Авроры в кадре фильма «Незнакомка из Парижа». Мы начали обсуждать отрицательные отзывы, которые этот фильм получил от кинокритиков, как вдруг внезапно возле нашего столика появился Франсуа.

– Дамы! – воскликнул он игривым тоном.

– Франсуа... Присаживайтесь, пожалуйста.

Чтобы спастись от жары, он надел свой летний прикид городского исследователя, который я уже видела на нем: белые брюки, льняная рубашка и кремовая панама, прикрывающая лысеющую макушку.

– Итак, – вновь заговорил Маршадо, – мадемуазель... – он жадно охватил быстрым взглядом фигуру Сони, затем снова повернулся ко мне, – и теперь уже мадам.

Я почти забыла о том, что он присутствовал на нашей свадьбе, где я его видела лишь мельком в толпе гостей, за туманной завесой моего взора, измененного воздействием снотворного.

Сейчас Маршадо сидел прямо передо мной, и я заметила, что он успел насладиться лучами солнца, которые окрасили его лицо красноватым загаром. Должно быть, он прекрасно провел время в Бретани...

– А, точно, – воскликнула я. – Вы двое, вы ведь уже знакомы. Вы встречались на нашей свадьбе.

– Мы даже танцевали зажигательный рок-н#ролл, – добавил Маршадо.

Соня, казалось, не разделяла его воодушевления, ограничившись утвердительным кивком и натянутой улыбкой. Я никогда не видела ее такой смущенной, почти запуганной.

Что произошло после нашего поспешного отъезда? До которого часа продолжалось празднование? Луи никогда не рассказывал мне об этом, разве только что-то вкратце, по нескольким слухам. А Франсуа рассказал мне о своей симпатии к моей подруге еще во время нашей встречи в кафе «Марли», когда он увидел ее фотографию в моем мобильнике. Возможно, в тот памятный вечер, когда он был уже свободен от своих супружеских обязательств (по крайней мере, я так предположила), он нахально приставал к Соне? Наверное, он узнал о ее прошлом в агентстве и позволил себе обратиться к ней напрямую, без церемоний? Однако это еще не худший вариант, Соня сама могла наброситься с жадностью на такой лакомый кусок...

Но, определенно, она очень изменилась. Из нас двоих за этот год я стала хулиганкой, а она пуританкой.

– Вы хотели так срочно меня увидеть, чтобы похвастаться своими блестящими способностями танцора? – поддразнила я его.

– Нет, конечно же. Я хотел вам вручить вот это.

Он протянул мне конверт из крафтовой бумаги, который я взяла, бросив на него вопрошительный взгляд.

– Это оригиналы тех двух документов, которые я вам присылал в эсэмэс, – сказал он. – Семейное фото Лебурде и опись документов Эмили при ее приеме в Сен Броладр.

После этого заявления непринужденная атмосфера, которая царила в баре, внезапно стала ледяной. Я неуверенно, почти колеблясь, открыла конверт, словно, прикоснувшись к этой печатной версии документов, тут же должна была сгореть в пламени. Наконец я достала их, один за другим. Я пристально разглядывала их некоторое время, пока Соня с любопытством смотрела на меня, затем положила обратно, не проронив ни слова.

– Вам удалось узнать еще что-нибудь о родителях Лебурде и об обстоятельствах их гибели?

– Нет, пока не было времени, – сказал он с сожалением. – Как вам известно, мне еще приходится заниматься журналом...

Он указал на покрытую мокрыми разводами обложку лежавшего на столе «Экономиста». Я пока еще не смирилась с мелким предательством Франсуа. Но это был неподходящий момент для высказывания претензий. Маршадо еще мог мне пригодиться.

– Однако, – вновь заговорил он, отпив из пол-литровой кружки, которую ему только что принесли, – я виделся с вашим другом Ивоном в Кельмере...

Ивон, тот самый мастер, ремонтирующий лодки, алкоголик, который снабдил меня контрабандной самогонкой и подробным рассказом о несчастном случае, произошедшем с Андре и Гортензией Барле.

– Вот как! – удивилась я. – И зачем же?

– Затем, что я никак не мог принять тот факт, что моторную лодку, несущуюся на полном ходу, оставили в руках неопытного рулевого. Никогда такой требовательный человек, каким был Андре Барле, не позволил бы этого. Даже своему сыну.

Луи не смог бы стоять у руля такого моторного катера, заявила мне Ребекка.

– И что же? – оживилась Соня.

– По меньшей мере можно сказать, что Анабель произвела впечатление на нашего лодочного могильщика, – улыбнулся Маршад широко, в тридцать два зуба, обольстительной улыбкой.

– Он был мертвецки пьян, – обрубил я.

– Может быть. Тем не менее он держал язык за зубами и не рассказал вам самого главного. В тот день, 6 июля 1990 года, Ивон не только вытащил из воды вашего будущего мужа, у которого было раздроблено колено. С палубы своей рыбацкой лодки он наблюдал за всем происходящим: «Рива», которая неслась на полной скорости, роковой удар...

– Что? – воскликнула я. – Он мне не говорил ничего подобного!

Маршад вновь сделал глоток прохладного хмеля и продолжил свой рассказ:

– Я знаю. Однако даже спустя двадцать лет после всего произошедшего у него сохранились очень четкие воспоминания. И это однозначно: тот, кто управлял «Ривой», не случайно разбил ее о скалы. Все местные жители знают рифы наизусть. Невозможно про них забыть или не знать об их существовании. Тем более когда живешь в вилле прямо над ними и можешь наблюдать их каждый день из своих окон.

– Что вы этим хотите сказать? – резко и сухо спросила я.

– Что, по мнению нашего приятеля Ивона из Кельмера, «Рива» намеренно была направлена на скалистую отмель.

Я на мгновение потеряла дар речи. Мое лицо освещал одинокий луч, падающий с улицы, но я вдруг ощутила беспросветную темноту внутри.

– Это не был несчастный случай, Эль, – настаивал он мрачным тоном. – Это было самоубийство.

3

12 июня 2010

Иногда боль не исчисляется ни количеством роковых разоблачений, бросающих нас на лопатки, ни даже интенсивностью этих апперкотов, которые мы получаем от жизни. Иногда она материализуется в часах, минутах, секундах, в любой единице времени, даже малейшей, врезающейся в наш мозг, как игла, и колющей наши чувствительные зоны до следующего приступа.

Боль + 1 минута: я в полном потрясении. Франсуа наслаждается впечатлением, которое произвело на меня его разоблачение, понимающе качая головой, а Соня явно пытается найти ободряющие слова, которые бы вывели меня из оцепенения. Напрасно. Самые мрачные гипотезы сменяют одна другую в моей голове, и каждая из них все больше омрачает образ моего супруга. Луи хотел покончить жизнь самоубийством спустя шесть месяцев после исчезновения Авроры.

– Зачем бы он стал это делать? – пробормотала я наконец. – Потому что потерял Аврору? Или потому что не мог смириться с тайной об ее исчезновении, которую потребовал хранить Дэвид?

– Понятия не имею... Но ваши вопросы подтверждают то, что, вероятно, у него была не одна причина для этого.

– Как это – «не одна»? Вы хотите сказать... что-то, что не касалось напрямую Авроры?

– Возможно, – подтвердил он, пожимая плечами. – Я напоминаю вам, что к тому времени Андре только что объявил Дэвида своим единственным наследником, возглавляющим группу Барле. Видеть, что приемного брата предпочли ему, законному сыну... Это такой акт непризнания со стороны отца, который может свести с ума. Вы не считаете?

Мимолетная улыбка скользнула по его лицу и тотчас же исчезла. У меня мелькнула мысль, что Маршадо доставляет удовольствие вливать в меня яд своих умозаключений. Возможно, он бессознательно обвинял меня в том, что похождения его жены Сесиль и Дэвида получили огласку.

– Рассердиться на своего отца до такой степени, чтобы убить себя вместе с ним, это я еще могу понять, – вмешалась Соня. – Но посадить в тот же катер мать... Вам не кажется, что это чересчур?

Журналист ответил не сразу, теребя край панамы и с интересом и примесью самодовольства разглядывая Соню. Вероятно, он хотел выиграть время, чтобы отшлифовать свою реплику до блеска.

– Кто знает, может быть, Гортензия принимала участие в злодеянии, которое сбило с ног ее сына. Может, Андре принял это решение совместно со своей женой.

Боль + 1 час: под вечер я вернулась в Особняк Мадемуазель Марс.

Луи ушел, не оставив мне записки. Ключей от его лимузина на столике в прихожей не было. Куда Луи вдруг понадобилось поехать на таком шикарном автомобиле? Явно не готовиться к процессу с Зерки, ведь кабинет адвоката находится на бульваре Малерб, всего в нескольких станциях метро от нас.

Скажем честно: я почувствовала облегчение, не застав Луи. Я не смогла бы отвечать на его улыбки и ласки, играя роль нежной супруги. Намеки Маршадо, касающиеся причастности Гортензии к тому, что Дэвид, а не Луи встал у руля группы Барле, еще звучали в голове. Так же, как и упрек Луи, касающийся моей привязанности к Мод и после ее смерти.

Его мать... Он никогда мне о ней не рассказывал. О Гортензии напоминало только свадебное платье Скъяпарелли и кольцо, которое я носила на пальце. Раньше она казалась мне

смирненной женой, остававшейся в тени своего могущественного мужа. Теперь я задавала себе вопросы о том, каково было ее истинное влияние на судьбу супруга и детей. Об этом никогда и ничего не говорилось, но я была уверена, что именно она стала инициатором усыновления Дэвида. Муж может одобрить и поддержать поступок такого рода, но он редко является зачинщиком подобного. Однако мне не удавалось представить Гортензию в роли самки, жертвующей самым слабым из своего потомства. Это никак не вписывалось в рамки того образа, который мне рисовали сначала Арман, а затем Ребекка. Мажордом рассказывал о мадам Барле как о сдерживающем факторе в кипящих непростых отношениях между мужем, Луи и Дэвидом. Ребекка заявила, что Гортензия пыталась обрубить на корню познания Луи относительно связи, объединяющей Дэвида и Аврору. Опять же она старалась поддерживать подобие мира между сыновьями, а не настраивать петушащуюся молодежь друг против друга, как это мог делать Андре.

Я обуздала терзающее меня желание позвонить Луи – услышать его теплый голос, мурлычущий в телефонной трубке, было бы для меня истинным утешением. Услышать, что он любит меня, даже если он меня и обманывал. Но я стойко держалась, и, будучи уверенной, что Луи вернется не так скоро, погрузилась в заметки, которые набросала за последние несколько недель. У меня не было времени отшлифовать текст. Кроме того, некоторые хронологические детали при изложении ускользали от меня, хотя они и были очень важными! У меня оставалась только моя память, чтобы попытаться восстановить мою историю. Моя память...

– И блог! – воскликнула я, разбудив Фелисите, свернувшуюся клубочком у меня в ногах на кровати.

Дэвид забрал себе основную часть моего личного дневника, который мы, я и Луи, вели месяц за месяцем, но блог «Эль&Луи» поможет мне восстановить большинство недостающих кирпичиков нашей истории.

Я тотчас же зашла на сайт и еще на главной странице отметила, что в последнее время записи сюда не добавлялись. Похоже, блог был временно заблокирован. Я испытала облегчение. На данный момент Дэвид предпочел не выставлять на всеобщее обозрение мои фотографии, которые он сделал в темной комнате.

У меня ушло некоторое время на то, чтобы перебрать заметки, которые там были опубликованы. Увы, они оказались выложены не в порядке их написания, а согласно тематической логике, вперемешку, мои заметки и заметки Луи.

Перечитывая их таким образом, я была поражена одним фактом. Долгое время я воспринимала сообщения Луи как провокацию, нацеленную раскрыть меня. Раскрепостить мою сексуальность. Но сегодня я поняла, что они составляли список предложений, и Луи ждал – и надеялся, – что я в конце концов осуществлю их.

Мы уже опробовали большую часть этих эротических поз во время нашего годового заточения в «Шарме». Следовательно, уже не было необходимости использовать весь каталог удовольствий буквально. Тем не менее он вдохновил меня на другую идею: если эта программа была для Луи способом привести меня к нему и раскрыться, не пришло ли время мне перехватить инициативу? Осознав и поняв, что секс для него является единственным действительно понятным языком, не должна ли я, в свою очередь, воспользоваться этим, чтобы наконец раскрыть его секреты? Не стоило ли мне составить список моих эротических фантазий, которые помогли бы вывести его на чистую воду? С момента наших самых первых встреч вслепую Луи удалось донести до меня первую истину: секс – это разоблачитель. Так не пришел ли момент для того, чтобы я воспользовалась им в своих целях?

Я не брошу Луи одного в сумерках его секретов и тайн. Я снова отправлюсь его завоевывать, как и обещала себе.

Для начала я взялась за его анонимную запись, где упоминалось соревнование среди пар-эксгибиционистов в Париже. Возможно, мне стоило составить карту мест, где мы могли бы присоединиться к этому движению? Он, стремящийся запечатлеть наши эмоции повсюду, предвосхитивший этот замысел еще во время нашей брачной ночи в лимузине, наверняка оценит это по достоинству.

Я откопала дома карту Парижа и развернула ее на кровати. Вооружившись коробкой желтых булавок-бабочек, я отметила места, которые, как мне казалось, благодаря своим географическим или историческим особенностям соответствовали тем местам, где все должно произойти. Иногда выбор давался нелегко. Где мне лучше получать оргазм, на набережной Сены или у большого бассейна Тюильри? Будет лучше, если он станет лизать меня до изнеможения в тени кондитерской «Ладюре» на площади Мадлен или перед «Шоколадным раем» на улице Арф?

Аппетитные картинки, возникающие в воображении, говорили о том, что я всерьез увлеклась задачей. Я улеглась на карту и, стянув джинсы ровно настолько, чтобы можно было запустить руку в тонкие хлопковые трусики, начала страстно ласкать себя. Двумя пальцами я скользнула пальцами вниз, играя с клитором, как в те благословенные времена, когда мне было пятнадцать лет. Когда он набух и показался из своего капюшончика, вторая рука направилась туда же и настойчиво сжала розовую мягкую плоть. Окруженный со всех сторон, мой клитор вращался в своей оболочке, и короткий, но сладострастный взрыв наслаждения не заставил себя ждать. Многократные спазмы сотрясали мое лоно. На мгновение я застыла в одном положении, лежа на боку, прижав руки к нижней части живота. Это был маленький жалкий оргазм по сравнению с теми, которыми меня ежедневно награждал Луи. Но это было все, что я могла себе позволить, в ожидании осуществления грандиозного плана битвы, который распростерся подо мной.

– Мадам? Мадам, вы здесь?

Воркующий голос Йоханы, приходящей домработницы из Словении, нанятой Луи, внезапно прервал извилистую нить моих размышлений. Одним прыжком я соскочила с постели и застегнула молнию на джинсах, но мои щеки еще алели от недавнего наслаждения.

– Я здесь, Йохана! – крикнула я. – Наверху.

Я никогда не запоминала время ее прихода, но всегда покидала дом, когда она появлялась. Мне было неловко видеть, как посторонний человек убирает беспорядок за нами. Старый социальный комплекс, от которого мне не удавалось избавиться.

– Здравствуйте, Йохана, – улыбнулась я ей, спустившись в зал.

– Здравствуйте, мадам.

– Я могу попросить вас об услуге?

– Да. Это по поводу уборки?

Каждая вторая ее фраза начиналась со слов «Это по поводу».

– Нет. Меня не будет несколько дней, и я не знаю, когда вернется Луи. Я насыпала Фелисите полную миску корма, до краев, но она это довольно быстро съест. Не могли бы вы кормить ее, пока нас не будет?

– Да, конечно.

Урегулировав этот момент, я поспешно набросала записку для Луи, краткую и информативную, поскольку была не в состоянии выразить свою любовь к нему в момент, когда охвачена сомнениями:

*Я последовала твоему совету. Я пойду в студию, чтобы писать, и не знаю, сколько времени там пробуду. Может, несколько дней. Буду держать тебя в курсе. Целую.
Твоя Эль.*

Боль + 2 часа: я вновь вернулась в свою квартирку-студию на улице Трезор.

Все было на своих местах, маленькое, немного грязное, плохо расположенное, но такое родное, и это доставляло мне удовольствие. Весь этот беспорядок походил на саму жизнь, нестабильную и привычную.

«“Риву” направили на скалистую отмель преднамеренно». Это заявление Маршадо не давало мне покоя. Можно ли было, в самом деле, доверять воспоминаниям старого озлобленного моряка-алкоголика? Если Ивон из Кельмера говорил правду, почему он не рассказал об этом мне? Я долго искала в Гугле сведения, подкрепляющие его версию событий. Но все результаты чуть ли не слово в слово повторяли статьи, найденные мною в «Рош брйоне»: Луи за штурвалом – неопытный рулевой – трагическая катастрофа.

Так как это ничего не дало, я предприняла другую попытку и запустила поиск наугад: *Эмилия Лебурде и Аврора Дельбар + уроки игры на фортепиано*. На сей раз поисковик не выдал никакого ответа. Аврора позаботилась о том, чтобы оставаться в тени, словно ее не существовало. Я предположила, что она набирала учеников «по цепочке» через многочисленные светские знакомства Дэвида.

Боль + 3 часа: я решила вернуться на Орлеанскую площадь.

На что я тогда надеялась? Что Аврора откроет мне дверь нараспашку, предложит чашечку чая с жасмином, как это сделала бы Ребекка, затем доверится с искренностью стародавней подруги?

Конечно, нет. Я знала заранее, что это очередное вторжение в ее мир будет таким же оскорбительным, как и безрезультатным.

Я сначала прогулялась возле Новых Афин, слегка ностальгируя, так как мой путь повторял путь Луи, когда тот посвятил меня в таинственное очарование этого квартала. Перед домом номер 5 на площади я терпеливо дождалась, когда кто-нибудь из местных жителей выйдет, чтобы я смогла войти. На этот раз я без колебаний подошла к двери слева на втором этаже и решительно нажала на кнопку звонка. Один раз. Затем еще и еще. После полудюжины попыток мне пришлось признать очевидное: дома она или нет, дверь ее квартиры мне не откроется.

Расстроенная, я уже собиралась уходить, когда приоткрылась соседняя дверь и древняя бабуля, которую, наверное, вывел из забвения настойчивый звук колокольчика, показалась на пороге.

– Вы ищете мадемуазель Дельбар?

Наконец появился хоть кто-то, кто ее знает. Наконец хоть одна живая душа из плоти и крови привнесла реальности в эту ускользающую тень.

– Да, я... Меня интересуют ее уроки игры на фортепиано.

– В таком случае вам следует вернуться попозже, – сообщила пожилая дама, фото которой прекрасно бы смотрелось на этикетке банки с вареньем, приготовленным по старинному рецепту.

– Вы знаете, когда я смогу застать ее?

– Нет. Она ушла из дома спустя некоторое время после вашего последнего визита.

Ее поспешный отъезд походил на бегство. Возможно, причиной тому была я. Ушла ли она по своей инициативе? Или подчинилась Дэвиду?

Бабушка-с#варенья не смогла бы ничего сказать мне по этому поводу, и я удалилась, поблагодарив ее и натянув на лицо улыбку, дабы скрыть свое разочарование.

Боль + 4 часа: я прошлась перед галереей.

По дороге назад я сделала крюк, чтобы пройти по улице Севинье перед галереей Барле-Соважа, закрытой по решению суда уже почти месяц. Экраны, установленные в витринах, оставались безнадежно темными и немymi. Ни один лучик света не освещал больше ее интерьер. Безусловно, Альбан заботился о том, чтобы поддерживать галерею в приличном

состоянии, поскольку ни граффити на стенах, ни самовольно расклеенных объявлений или следов разрушения не наблюдалось. Галерея просто была мертва. И ничто не предвещало, что она оживет снова.

Оказавшись дома, я машинально включила телевизор и по иронии судьбы попала на телепередачу дебатов, тема которых была обозначена очень своевременно: «Секс и искусство, докуда дойдут они?» Ошибка оказалась допущена намеренно, призывая зрителей не оставаться равнодушными к предполагаемым злоупотреблениям. Естественно, в центре обсуждения было дело Барле-Соваж-Гобэр, и Луи как идейный вдохновитель выставок галереи вызывал самые резкие и суровые нападки критиков. Прошло несколько недель, и клеветническая кампания, объектом которой он являлся, в связи с отсутствием новых подробностей слегка поутихла. Но в преддверии судебных слушаний вновь ожила, набрала силу, став еще более резкой и язвительной, чем раньше.

Спустя несколько минут этой неперевариваемой желчи я выключила телевизор и схватила трубку телефона. Пришла пора опросить еще одного ключевого свидетеля.

Боль + 1 день.

Старый мажордом, несмотря на привычную вежливость, казалось, не слишком горел желанием встречаться со мной. Но ведь именно он месяц назад выразил свое расположение ко мне, прежде чем обнять меня почти по-отечески. Я все-таки настояла на встрече, довольно мягко, и он в конце концов уступил.

Мы встретились на следующий день в полдень в переполненном кафе неподалеку от вокзала Сен-Лазар. Зал оказался битком набит путешественниками, и приходилось повышать голос, чтобы услышать друг друга.

Арман был одет в свои вечные вельветовые брюки и жилет на пуговицах.

— Я счастлив видеть вас, Эль.

Несмотря на его нерешительность накануне, он казался искренним. Я положила свою ладонь на руку Армана.

— Я тоже.

Он убрал свою сухую морщинистую ладонь смущенным жестом. Я не знала, с чего начать разговор, и задала вопрос, который казался мне вполне безобидным:

— Вы часто разговариваете с Луи?

— Почти каждый день, — тут же ответил он.

— Правда? Каждый день?

— Да... Вы знаете, Дэвид и Луи выросли на моих глазах. За Луи я присматривал чуть дольше, чем за его братом, — добавил он, чтобы объяснить свою особую привязанность.

Если они общались друг с другом каждый день, то мой муж был вынужден рассказать ему о...

— Вы еще долго намерены оставаться в студии?

— Пока не знаю, — ответила я, немного смущенная тем, что он вмешивается в наши супружеские проблемы.

— Если бы вы не вернулись... Луи бы этого не пережил.

— Знаю, — сдержанно подтвердила я. — Об этом не может быть и речи.

— Если вам кажется, что он от вас что-то скрывает, вы заблуждаетесь. Луи ничего не скрывает. Он просто пытается вас защитить. И в придачу не усугубить свое дело в суде.

Официант принял наш заказ, и я, желая, чтобы мое волнение улеглось, была рада, что он прервал нашу беседу. Сразу после его ухода я возобновила разговор, решительно настроенная теперь задать ему *свои* вопросы:

— А Аврора? Вы ее тоже часто видите?

Он практически не вышел из своего обычного флегматичного состояния.

— Я своего рода связующее звено между улицей Тур де Дам и Орлеанской площадью.

Очень завуалированный способ сказать о том, что все эти годы он очень часто виделся с Авророй. Я хотела продолжить расспрашивать его об этом, но он сделал решительный жест старой дрожащей рукой, прекратив мои попытки.

– Я больше не скажу вам ничего об Авроре, Анабель... Не я должен рассказывать о ней. Дэвид или Луи сделают это, без сомнения, когда придет время.

– Когда придет время? – чуть не закричала я.

Да никогда не наступит время угасания той страсти и ревности, которую эти двое испытывают уже два десятка лет к моему двойнику. Я проглотила свою ярость, задержала взгляд на его сморщенном лице, задавая себе вопрос о происхождении каждой складки, каждой морщины, затем снова мягко заговорила:

– Почему у меня складывается впечатление, что вы больше склоняетесь на сторону Луи, а не на сторону его брата?

– Я вам уже сказал, я знаю его очень давно.

– Однако... Как долго вы уже на службе у Дэвида?

– Около двадцати лет.

С того момента, как Дэвид поселился в особняке Дюшенуа, прикинула я. *После смерти Андре и Гортензии.*

– Значит, все это время именно он был вашим работодателем...

– Нет, – возразил он с удивительной живостью.

– Как так? Очевидно, что именно он вас...

– Я вам говорю, что нет, – резко оборвал он меня. – Я работаю на Гортензию.

У него старческий маразм?

– Не смотрите на меня так, – сказал он, скрывая улыбку в уголках губ, очевидно, довольный моей реакцией. – У меня пока все в порядке с головой. Именно Гортензия платит мне зарплату в течение последних двадцати лет. За несколько месяцев до своей смерти она выразила желание обеспечить мое будущее. Гортензия открыла отдельный счет, предназначенный только для этой цели. Если не случится никакой глобальной катастрофы, он обеспечит меня до самой смерти.

Арман мог ликовать: впечатление, которое он хотел произвести на меня, было достигнуто. Несколько минут я не могла вымолвить ни слова.

– Она обозначила какие-нибудь условия?

– Никаких, кроме того, чтобы я продолжал смотреть за ее сыновьями.

Одна деталь огорчала меня в его откровениях.

– В таком случае... поскольку вы сами признали, что ваши предпочтения на стороне Луи, почему же вы согласились жить в доме Дэвида?

– Их мать попросила меня об этом. Как раз когда открыла этот пресловутый заблокированный счет. Она сказала мне, что если их с Андре однажды не станет, я должен буду пойти на службу к Дэvidу.

– Почему? – закричала я так громко, что люди, сидящие за соседними столиками, начали оборачиваться.

– Она всегда полагала, что Дэвида стоит держать возле себя...

Арман говорил о нем как о диком животном, которого следует посадить в клетку и дрессировать. Он тут же закончил мысль:

– ...А Луи... защищать от брата.

4

15 июня 2010

Еще одно из журналистских размышлений, которому меня научили: всегда сразу же собирать все имеющиеся доказательства. Особенно важно: никогда нельзя откладывать или сокращать то драгоценное мгновение, которое позволяет нам в первый раз вступить во взаимодействие с первоисточником. Поскольку повторно такая возможность не представится.

Я была рада тому, что воспользовалась возможностью восстановить большинство своих записей в дневнике «Сто раз на дню», скопировав их из блога «Эль&Луи», когда у меня было на это время, потому что, зайдя в блог сегодня утром, я озадачилась – поисковик мне выдал: *адрес не найден*.

Я предположила, что Жак Боффор стал инициатором этого превентивного закрытия. Понятно, что после неудачной попытки взлома пароля Дэвида Фред и Фрэнки не смогли доказать наличие связи между ним и этим блогом. Но его юрист, наверное, счел, что будет более разумно удалить доказательство того, что мой деверь пытался оклеветать Луи.

Однако блог за короткий срок стал настолько популярен, что многочисленные подписчики и другие пользователи Интернета копировали оттуда целые эпизоды на свои личные странички. Некоторые были настолько захвачены темой, что даже писали собственную фан-прозу с участием главных героев, Эль и Луи. Так мои отношения оказались разбросаны по Сети в сотнях экземпляров. Мы стали, сами того не желая, чувственными иконами всего интернет-поколения распутников.

Со временем Эль научилась виртуозно отсасывать у Луи. Она настолько хорошо знала его член, что умела придать такую округлую форму своим губам и небу, что могла захватить его целиком, одним сладострастным заглатыванием, никогда не задевая его зубами. Этот жест был настолько естественным, что ее тотчас же охватывало желание. Она сосала его в кровати, в машине, в кино и даже в самых публичных или нелепых местах. Луи настолько к этому привык, что, как только она выпускала его член, ему тут же начинало не хватать ее губ, и он выражал это негромким ворчанием. У них вошло в привычку увековечивать свои предварительные ласки в фотографиях. Таким образом, составила коллекция губ и членов, переплетающихся между собой, которую Эль и Луи поместили на стене своей комнаты.

Анонимный фан-фикшн от 13/06/2010

Как можно догадаться, мы с Луи никогда не составляли подобную галерею. К тому же, если даже я в высшей степени и ценила те моменты, когда он позволял вольности подобного рода, мы, безусловно, не ограничивали наши отношения орально-генитальными ласками, какими бы страстными и изощренными они ни были.

Уходя от этих интимных размышлений, я спрашивала себя о том, что из этой похотливой галиматии учтет суд, который будет выносить приговор Луи. Примет ли он все за чистую монету? Будет ли рассматривать подобную информацию наравне с другими отягчающими обстоятельствами, указывающими на якобы распущенный нрав моего супруга? Или судьям хватит мудрости увидеть в этом всего лишь игру, начатую другими, от которой Луи очень далек? Я уже говорила и готова повторить столько раз, сколько потребуется: Луи никогда не рассматривал секс, тем более наш, как товар, предлагаемый направо и налево. Он, напротив, был для него нашим самым ценным достоянием, которое должно стать объектом тайного и ревностного культа. Ему бы никогда не пришло в голову сделать его публичным и общедоступным в Интернете.

Несмотря на патетическую защитную речь Армана в пользу Луи, я так и не позвонила своему мужу в последующие два дня и не отвечала на его сообщения.

Он доводил меня ими до возбуждения, и много раз я порывалась набрать его номер или поехать на улицу Тур де Дам, чтобы заменить наконец менее постоянную логику трезвого разума на столь совершенную логику наших сплетенных тел. Противясь своему желанию, я думала только о нем и о решающем его дальнейшую судьбу событии, которое неумолимо приближалось. Я не хотела становиться паразитирующим элементом, ослабляющим его защиту, даже мои поцелуи не должны были сейчас мешать Луи. Я хотела, чтобы он на сто процентов сосредоточился на своем деле, как, очевидно, это сделал Зерки. Тот обратился ко мне с кратким, как обычно, сообщением утром перед заседанием:

Первое слушание сегодня во второй половине дня, Парижский дворец правосудия, 15 часов. XV исправительная палата суда. Вход через вестибюль Рене Пароди. Париж, 4-й округ, Дворцовый бульвар, въезд через дом 10.

На самом деле мое появление там было бы не слишком разумным. А если какой-нибудь папарацци заметит меня, наделает снимков и передаст фотографии газетчикам, которые тут же ими воспользуются? Факт, что женщина, которая делит с Луи его такую непристойную интимную жизнь, осмеливается присутствовать на заседании, наверняка будет воспринят как отягчающее обстоятельство. Можно подумать, я собиралась наброситься на него на выходе после слушания и заняться с ним любовью в туалете Дворца правосудия!

Луи взял Эль за руку и увлек за собой в узкую кабинку. Им нравилась эта теснота, эта атмосфера скабрёзных надписей на стенах и запах мочи. На сей раз она позволила сделать то, о чем Луи мечтал. Эль была одета в мини-юбку, под которую он засунул свою бесстыдную руку. Ее трусиками оказалась лишь тонкая полоска кружев, врезавшаяся во влажную щель вагины. Ее половые губы уже набухли от желания. Он скользнул пальцем в трусики, глядя изгибы губ и вход во влагалище. Затем вынул палец на секунду и поднес его к носу, затем к губам. Пряный вкус опьянил его, и на этот раз он погрузил в нее средний палец до самого основания, до последней фаланги, а его ладонь накрыла пульсирующее лоно партнерши. Луи почувствовал, как стенки влагалища сжимаются вокруг его пальца.

Когда кто-то зашел в соседнюю кабинку, Эль сдержала крик, который в мышечном рефлексе заставлял влагалище еще сильнее сжимать палец, обшаривавший ее нутро.

Анонимный фан-фикшн от 15/06/2010

Пройдя под многочисленными камерами наблюдения, охраняющими вход, я практически не обратила внимания на величественность корпуса центрального здания с четырьмя гигантскими колоннами и грандиозным лестничным пролетом. Здание было символом жажды крови эпохи Террора якобинской диктатуры, но я надеялась, что Луи не закончит свои дни на гильотине подобно противникам Французской революции.

Внутри, в холле, богато отделанном мрамором, я последовала указаниям адвоката в мантии, который, кстати, не упустил возможности попятиться на мой зад. Наверное, это был своего рода местный ритуал, поскольку я заметила, что все его коллеги поступили так же.

Через десять минут ходьбы в лабиринтах галерей я наконец очутилась в вестибюле Рене Пароди, под стеклянным куполом в стиле Эйфелевой башни. Заметив микрофоны и фотоаппараты, я тотчас же поспешила спрятаться за солнцезащитными очками.

– Он здесь! Парни, Барле приехал!

Подобно рассеянному рюю, который вдруг объединился, чтобы броситься на цель, все накинулись на Луи и Зерки, появившихся на лестнице. Подойти к ним было невозможно, и

мне пришлось довольствоваться тем, что я увидела их краем глаза сквозь частокол микрофонов и камер. Толпа сомкнулась еще плотнее, когда журналисты окликнули Луи:

- Господин Барле! Несколько слов для «Франс Инфо», пожалуйста!
- Вы считаете себя автором порнографии?
- Что вы можете сказать родителям детей, шокированных вашей инсталляцией?
- Нужно ли намеренно показывать секс, чтобы творить искусство, господин Барле?

Как эти люди могли задавать подобные вопросы? Почему они с таким удовольствием разносят сплетни, распространяемые Гобэром? У меня возникло желание броситься на них, вцепиться каждому в горло, бросить их ценный материал на землю, рассказать о настоящем Луи, добром, нежном, чувственном, более просвещенном и образованном, чем все они вместе взятые. Изображая безразличие, дуэт рассек шумную бранящуюся толпу, дойдя до двери, на которой висела табличка с надписью: «*XV исправительная палата*».

Луи и Зерки скрылись за дверью, оставив позади разочарованную и голодную свору.

Как только Луи открыл собственную галерею, он решил сделать их секс центральной темой коллекций, которые он выставлял. Его особняк стал эротической Виллой Медичи, и художники, которых он сюда приглашал, должны были увековечить их любовные игры с Эль в любой форме на свой выбор. Одним из наиболее впечатляющих приспособлений было устройство, позволяющее запечатлеть их при помощи шести камер с обзором со всех ракурсов. Затем воссоздается объемное моделирование тел. Наконец систему подключают к принтеру 3D, который позволяет воссоздать в режиме реального времени серию статуэток из полимерного материала, детально отображающих их соитие.

Так, в серии под названием «Лотос» Эль встает между ног своего возлюбленного и садится на его член. Во второй миниатюре можно увидеть, как рука Луи уже находится между ног Эль и ласкает ее клитор. Статуэтки под номерами 3–5 демонстрируют их возвратно-поступательные движения занятий любовью. На последнем этапе Эль выгибает спину, откидывается назад, ее рот приоткрыт. Даже по такой зафиксированной в пластмассе позе можно догадаться, что она испытывает оргазм.

Анонимный фан-фикшн от 15/06/2010

Едва журналисты собрались выразить свое недовольство, как на горизонте появился следующий объект их внимания: лысый, однако еще молодой, судя по чертам лица и бодрой походке, мужчина. Все тотчас же поспешили ему навстречу. И я услышала:

– Делакруа! Это Делакруа!

Стефан Делакруа? Бывший служащий Дэвида, замешанный в громкой скандальной истории! Я задавалась вопросом, что он мог здесь делать. За исключением причастности Дэвида к обоим случаям, никакой иной прямой связи между делами Барле-Соважа и Делакруа не было.

Но с тех пор как я очутилась в семье Барле, я больше не верила в совпадения.

Вскоре Делакруа исчез в лабиринтах дворца вместе с кучкой крикунов, спешащих за ним по пятам. Сам того не ведая, он расчистил мне путь, и я, в свою очередь, смогла войти в XV исправительную палату, избежав докучливого внимания.

Зал заседаний полностью соответствовал тому, как я его себе представляла: повсюду деревянная отделка, потертые бархатные кресла, люстры, висящие вдоль арок и с большим трудом освещающие помещение с головокружительно высоким потолком. В глубине, за лакированным деревянным столом, окруженный двумя заседателями и горой документов, сидел председатель. Он явно был раздражен возбуждением, которое витало в зале среди любопытствующей публики, и затягивал с началом слушания дела. В первом ряду, спиной ко мне, скрестив руки на груди, непоколебимо стоял Луи. С другой стороны центральной

трибуны я увидела знакомый облысевший череп и самодовольную отвисшую губу Антуана Гобэра, который выступал в качестве гражданского истца. Его адвокат лихорадочно рылся в своих записях.

Раздались два сухих и отрывистых удара молотка, резко положивших конец возбужденному гомону. Все поспешили на свои места, и представитель верховной власти, старик шестидесяти лет, заявил слегка дрожащим голосом:

– Итак, мы собрались здесь для того, чтобы вынести решение по делу выдвинувшего обвинение объединения родителей учеников АРВУГОУ в лице их законного представителя, господина Антуана Гобэра, против галереи искусств Барле-Соважа, представленной ее управляющим, господином Дэвидом Барле...

Один из заседателей прошептал ему что-то на ухо, и болезненный судья со звонким першением в горле вновь произнес:

– Кхмм... Да, простите, господином Луи Барле, здесь присутствующим.

Волна веселья охватила зал. Если бы только эти люди знали, до какой степени небольшая оговорка судьи, внешне несущественная, была близка к реальности...

– Господин Барле, признаетесь ли вы в том, что добровольно выставляли видео лиц, занимающихся мастурбацией, в витрине вашей галереи?

– Да, господин председатель.

– Вы подтверждаете, что ответственность за это решение лежит только на вас?

– Да.

На каждый утвердительный ответ моего мужа публика отзывалась возмущенными вздохами. Будучи в курсе клеветнической кампании, организованной Гобэром по приказу Дэвида, я не удивилась тому, что зал настроен против Луи.

Через полчаса государственный обвинитель начал зачитывать свое ходатайство, еще более суровое, чем гражданский истец:

– ...строгое применение закона, господин председатель. То есть в соответствии со статьей 227—24 Уголовного кодекса семьдесят пять тысяч евро штрафа и тюремное заключение до трех лет.

Даже присутствующие, которых нельзя было заподозрить в снисходительности к моему Луи, казалось, были удивлены суровостью требуемого приговора.

– Чем вы мотивируете такой строгий приговор, господин прокурор? – спросил председатель, поворачиваясь к своему коллеге.

– Предшествующими прецедентами подсудимого, господин президент. Я позволю себе напомнить суду о приговоре за развратные действия и эксгибиционизм, отягчающий решение, принятое в мае 1999 года.

– Безусловно, мы в курсе его судимости, это дело фигурирует в досье, – отмахнулся тот.

Прокурор, денди с копной седеющих волос, кажущихся ненатуральными, почти злорадствовал, передавая слово адвокату Гобэра, такому же неприятному, как и его клиент.

– Вы забываете о двух вещах, господин президент, – произнес тот. – Первое – вот эта серия фотографий, датированная днем открытия выставки, ставшей предметом обвинения. Они были сделаны снаружи галереи, на улице Севинье...

Адвокат достал из конверта кипу увеличенных цветных фотоснимков и начал трясти ими сначала в направлении председательской трибуны, затем в сторону зала. На каждом из них можно было видеть детей и подростков, столпившихся перед экранами. Я без труда узнала модели на видео «*Permanent Sex*». Полагаю, эти фотографии были сделаны в первые минуты выставки, в тот момент, когда Луи еще не осознавал возбуждения, нарастающего перед витринами. На сей раз нарушение закона в виде демонстрации порнографии перед несовершеннолетними было абсолютно неоспоримо.

Вопрос, который оставался без ответа: кто сделал эти снимки? Кто мог заранее знать, что произойдет перед экранами... если не Антуан Гобэр собственной персоной, предупрежденный Дэвидом?

Я видела, что Луи не проявлял никаких внешних эмоциональных реакций. Так же, как и Зерки, который, должно быть, ждал подобного обвинения и ограничивался лишь тем, что делал заметки на обложке папки.

Даже отсюда я чувствовала, как мой муж кипит от бешенства. Внутри он был подобен карточному домику в момент разрушительного дуновения. Я так хотела бы заключить его в объятия, ласкать нежно, совсем не так, как в случае описанного в Интернете грубого животного секса. Защитить, словно щитом, своими объятиями, смягчая его приступ ярости.

– Ну что ж, я полагаю, что мы достаточно увидели, – резко сказал председатель. – Какой еще информацией вы бы хотели поделиться с нами?

Адвокат Гобэра наклонился над столом, чтобы достать вторую пачку документов. Так как я сидела почти у самого выхода, мне было сложно различить их содержимое.

– Оставляю эти бумаги на усмотрение суда, – произнес он высокопарным тоном.

– О чем там идет речь?

– Выдержки из блога, который вели последние месяцы Луи Барле и его молодая спутница, мадемуазель Анабель Лоран. Блог, где они выставляли напоказ свою близость, хм... без комплексов и предрассудков, в мельчайших подробностях. Добавлю также, что эти страницы общедоступны в Интернете и представляют собой явное подстрекательство к тому, чтобы неопытные молодые люди перенимали описанное особо развратное поведение.

Я опасалась того, что кто-нибудь из присутствующих в зале все-таки узнает меня. Но никто, казалось, не обращал на меня внимания. Все увлеченно следили за тем, что происходит на авансцене.

С момента ее посвящения в любовницы Эль приобретала новые навыки со скоростью, поражающей партнера. Теперь уже она задавала тон их отношениям. И вопреки ожиданиям проявляла интерес к тем любовным играм, которые сам Луи никогда не осмелился бы предложить ей. Ничто не возбуждало Эль так, как, например, возможность отдать своего мужчину в руки одной из шлюх, которыми он пользовался еще до того, как встретил ее.

Чаще всего она сидела обнаженной на стуле, стоящем возле кровати. Пока блондинка делала Луи минет, Эль медленно раздвигала ноги и начинала ласкать себя. Она любила каждую деталь, каждую жилку, вздувавшуюся на его мощном стержне, каждый всхлип своего мужчины, когда его член исчезал в нежных розоватых половых губах. Иногда Эль поощряла девушку словами или легким шлепком по ягодицам, прямо перед тем, как ввести в свое лоно секс-игрушку. Когда наконец Луи входил в молодую красотку, она меняла положение так, чтобы наслаждаться зрелищем в самом выгодном ракурсе. Именно этот момент Эль выбирала для того, чтобы засунуть вибратор так глубоко в свою вагину, как только было возможно. Она двигала им все быстрее и быстрее. Вибрации охватывали все тело, сотрясали низ живота. Возникающие в голове мысли казались беспорядочными, но все они были очень возбуждающими: она представляла себя одновременно и членом Луи, и влагищем той, которую он трахал, и пенисом незнакомца, который, в свою очередь, имел ее... Эль больше не знала, женщина она или мужчина, член или вагина... и от этого замешательства, добавок к зрелищу, как ее мужчина наслаждается рядом с ней, рождалось счастье с пикантным и ни с чем не сравнимым вкусом.

Анонимный фан-фикшн от 15/06/2010

Зерки, до сих пор хранивший молчание – я предположила, что он это делал для того, чтобы не ставить своего клиента в трудное положение, – неожиданно встал и решительно заявил:

– Господин председатель, мой клиент категорически отрицает подлинность этих документов. Он не является их автором. Эти публикации были сфабрикованы с единственной целью – отягчить его вину. Когда придет моя очередь, я смогу доказать истинность того, о чем говорю.

– Согласен, согласен, – устало кивнул председатель. – Мы собрались здесь по другому поводу. Эти отрывки не будут занесены в протокол в настоящее время.

Соперник Зерки сделал вид, что принял удар, но он знал, что все-таки укрепил свою позицию, сообщив информацию, которая будет иметь вес при вынесении окончательного приговора.

Председатель бросил беглый взгляд на часы и громко заявил:

– Слушание откладывается. Господа, я откладываю судебные прения и вынесение приговора ровно на неделю.

Участники следующего заседания уже заглядывали в двери зала, и технические служащие просили нас как можно скорее освободить помещение. Я была одной из первых, устремившихся к выходу, так как опасалась, что Луи и Зерки могут меня заметить. Я не хотела встречаться с мужем здесь. Я не знала, что сказать Луи. Особенно в присутствии посторонних.

Как только дверь XV палаты закрылась за мной, мой мобильник завибрировал, оповестив о входящем сообщении.

Я знаю, что вы здесь. Приходите сейчас же в XVI-ю палату.

Я вас жду внутри, с правой стороны. Ф.

Где Маршадо заметил меня: в коридоре или перед залом заседания?

Через несколько секунд я обнаружила журналиста в обозначенном месте. Его знаменитая кремовая панاما лежала рядом с ним, занимая место для меня. Маршадо что-то быстро строчил в блокноте. Приложив указательный палец к губам, он дал понять, что необходимо сохранять молчание. В зале царило торжественное напряжение. Председатель был гораздо моложе, чем тот, которого я только что видела, но при этом куда агрессивнее.

– Господин Делакруа, пожалуйста, мы хотели бы выслушать вас, – вызвал он козла отпущения Дэвида.

Тот поднялся и подошел к трибуне для свидетелей. Казалось, он чувствовал себя гораздо менее комфортно, чем в тот момент, когда я видела его в коридоре. Я догадалась, что пот лил с него градом.

Франсуа быстро написал три слова в блокноте, затем подчеркнул одно из них: Наркотики, Мошенничество, Сутнерство. Я предположила, что речь шла об уголовных делах, рассматриваемых в данной исправительной палате. Это были последние и главные пункты обвинения, фигурирующие в деле Делакруа. Кивком головы я показала, что поняла.

Перед нами произнес клятву финансовый аналитик.

– Господин Делакруа, вы были осуждены в ходе судебного разбирательства этим же судом по делу трудоустройства нелегальных рабочих и сутенерства с отягчающими обстоятельствами посредством общества «East X-prod». Вы подали апелляцию по принятому решению на основании того, что, я цитирую вашего адвоката, ваша причастность к «East X-prod» сводилась к инвестированию доли в капитал предприятия от имени группы Барле, которая на тот момент была вашим работодателем. Вы утверждаете, что не имели ни малейшего понятия ни о конкретном виде деятельности этой компании, ни об условиях, на которых она нанимала и использовала своих актрис.

Он намеренно сделал акцент на последнем слове, и некоторые из присутствующих криво усмехнулись.

– Именно так, господин председатель.

– Хорошо... Обратимся к записям протокола и постановлению, вынесенному во время самой первой вашей явки в суд. Тогда вы придерживались той же самой версии, однако при этом не предоставили ни одного доказательства. Вы можете сказать нам здесь и сейчас во всеуслышание, что изменилось с тех пор?

Адвокат Делакруа, очаровательная молодая негритянка, поспешив к нему на помощь, с благородством встала и безукоризненно почтительным тоном произнесла:

– Господин председатель, если вы позволите...

– Адвокат Уэдраого, у вас еще будет достаточно времени, чтобы вмешаться в нужный момент.

– Я позволю себе быть настойчивой, поскольку изменения, о которых хочет рассказать вам мой клиент, – это документ, который фигурирует в досье и на который я должна сделать ссылку.

Она так и поступила, игнорируя мрачный взгляд судьи, которому заседатель слева, блондинка с губами, накачанными коллагеном, протянула вышеупомянутый документ.

Председатель явно удивился и внимательно посмотрел на ответчика, которого его адвокат подбодрила сияющей улыбкой, затем обратился к нему более мягким тоном:

– Господин Делакруа... Насколько я понимаю происхождение данного документа, который вы приложили к апелляционному досье, речь идет об оригинальной записи внесения общества «East X-prod» в реестр Парижской Канцелярии суда по торговым делам.

– Именно так, господин председатель.

– Если окажется, что данный документ является подлинным, подтвердится тот факт, что вы не входите в список акционеров данного предприятия с момента его создания.

– Именно так.

С самого начала все нападки Дэвида на его финансового аналитика были нацелены на подтверждение того факта, что Делакруа создал «East X-prod» без его ведома на средства капитала компании Барле. Но если имя Делакруа отсутствовало в учредительных документах мошеннического филиала, это полностью снимало обвинения с подозреваемого.

– А почему этот документ появился у нас только сейчас? – удивился судья.

– По тем же самым причинам, которые доказывают невиновность моего клиента, господин председатель: невозможно получить оригинал такого документа, если вы не являетесь одним из подписавшихся на нем.

Мужчина, сидящий за трибуной, посмотрел на адвоката с улыбкой, судя по которой, он, по-видимому, больше оценил ее шикарные формы, чем красноречие. Затем он продолжил с некоторым осуждением:

– Хм... В таком случае я не спрашиваю, как вы добыли этот документ, уважаемый адвокат...

Она ответила ему вкрадчивым и торжествующим взглядом.

– ...Однако вы уверены, что речь идет о копии, соответствующей оригиналу? Если я сделаю запрос в Канцелярию суда по торговым делам, я получу точно такой же документ, это так, госпожа адвокат?

– Да, господин председатель, – произнесла она слегка невнятно. – Я в этом уверена.

– Хорошо. Я, по правде, слегка удивлен, увидев фамилию акционера и подателя заявки. В конце концов, *удивлен* не совсем правильное слово... – поспешил добавить председатель, хотя он явно не привык выражать эмоции на людях. – Я не ожидал увидеть здесь это имя.

Имя? На какое имя там указана ссылка? Похоже, только Делакруа и его адвокат понимали, о чем говорит судья, и было очевидно, что это доставляло им больше неловкости, чем

удовлетворения. Если бы в этом документе было имя Дэвида, как предполагали все присутствующие в зале, то они должны были наслаждаться сладостью своей победы и мести. Вместо того они насупились, по-видимому, спеша покончить с этим.

Я вопросительно взглянула на Маршадо, но он неопределенным жестом изобразил свое бессилие.

– Господин прокурор Республики, в таком случае я передаю вам вышеупомянутый документ и прошу разрешения на возбуждение предварительного следствия по делу о нелегальных рабочих и сутенерстве в отягчающей степени против господина *Луи Барле*...

Что-то похожее на медленную вспышку поднялось у меня в животе и взорвалось в каждой из частей тела. Парализованная, я не могла ни пошевелиться, ни моргнуть, ни что-либо сказать.

Произнеся имя моего любимого, судья только что распял мои последние надежды.

– ...миноритарного акционера и главы общества «East X-prod».

5

16 июня 2010

Вздрыгнув, женщина просыпается. Кошмар кажется настолько реальным, что долгое время она не понимает, спит она еще или нет. Но едва женщина осознает, что вернулась в разумный и внушающий доверие мир, из-под кровати появляется монстр с разверзшейся пастью, готовый проглотить ее целиком. Затем она снова просыпается...

Этой женщиной, попадающей из одного кошмара в другой, была я. Сопровождающие меня беды не были постоянными, жизнь давала временные передышки, ровно настолько, чтобы успокоить меня и вновь вселить в меня веру. Однако как только я думала, что стою на твердой почве, она тут же начинала уходить подо мной.

После потрясения, сбившего меня с ног новой волной, Маршадо проводил меня до «Двух дворцов», кафе, располагавшего напротив здания суда. Там, кроме толп туристов, в сопровождении своих адвокатов сидело множество пар, ожидающих развода. Атмосфера здесь за чашками дымящегося кофе царила мрачноватая. Однако прямо рядом с нами только что разведенные супруги пожирали друг друга глазами, и было очевидно, что вскоре они снова воссоединятся.

– Само собой разумеется, это новый удар, организованный Дэвидом, – сразу же попытался ободрить меня Франсуа.

– Знаю, – вздохнула я, не в силах произнести что-то еще.

На другой стороне бульвара, на тротуаре, появилась многолюдная толпа с камерами и микрофонами, возвышающимися, как копыя. Я разглядела фигуру Луи и его адвоката, которые дружно ускорили шаг, чтобы избежать бурлящего потока вопросов. На таком расстоянии невозможно было увидеть выражение их лиц. Но по раздраженным отмахивающимся движениям Зерки, отгоняющего назойливых зевак, я поняла, что масштаб случившейся катастрофы велик. То, что несколько минут назад произошло в XVI судебной палате, могло означать смерть его клиента как медийного персонажа и как члена общества. Крайне редко подобное судебное обвинение обрушивалось на рядового гражданина. Это было прерогативой мошенников высокого полета, больших боссов#бандитов или продажных политиков.

Свора удалилась в направлении Часовой башни. Сейчас я находилась в подавленном состоянии и предпочла бы, чтобы время окончательно остановило свой ход, потому что оно приносило мне только несчастья.

В кафе вошли два репортера, обвешанные оборудованием, и устроились возле нас. К счастью, они не узнали меня и громко, звонкими голосами, начали спорить и обмениваться своими впечатлениями:

– После вскрывшихся обстоятельств, если хочешь знать мое мнение, он влип.

– Ты говоришь о котором?

– О старшем, Луи, – заявил тот, что постарше.

По моему телу пробежала дрожь. Я готова была вмешаться в разговор журналистов, но Маршадо твердой рукой удержал меня. «Не делайте этого», – говорили его глаза, полные заботы и беспокойства. Он оплатил наши счета и решительно повел меня к выходу, куда только что направилась влюбленно-разведенная парочка. В то время как мужчина и женщина целовались, сначала сдержанно, затем все более и более страстно, не обращая внимания на глазающих на них туристов, я застыла на пороге. Двое коллег продолжали свое обсуждение:

– Находясь в ожидании приговора, Делакура остается под судебным надзором. Его отвлекающие маневры сработают не так хорошо, как он надеется.

– Хм... А я, напротив, нахожу очень странным, что Дэвид Барле был так легко оправдан, – сказал второй журналист. – Хотя... это обычное явление: самые крупные рыбы выходят из переделки, не повредив чешуи.

Я мысленно благословила его.

– Ты прав, – ответил второй, – но обрати внимание также на то, что подтверждаются слова, которые всегда твердил Дэвид Барле: что виновен либо Делакруа, либо его брат, он и понятия не имел об этих грязных капиталовложениях, сделанных от его имени.

Я снова чуть не вцепилась в горло упитанному простаку в жилете цвета хаки, но Маршадо уверенно и решительно вытолкнул меня наружу.

– Вы не сможете помешать людям верить в то, во что они хотят верить, Эль.

– Даже когда они верят в подобную ахинею?

– Да, – с досадой ответил он. – Даже в этом случае.

– Если люди такой профессии позволяют столь легко одурачить себя, я даже боюсь представить, что принимает на веру общественность...

– Им всем наплевать. Завтра в холодильнике одной умалишенной обнаружат трех младенцев, и их внимание будет направлено уже в другую сторону. То, что важно сейчас, – это услышать объяснения Луи по поводу данной кинокомпании.

– Но... – Я попыталась возмутиться.

Он властно прервал меня и продолжил свою речь:

– Мы оба сходимся на том мнении, что вероятнее всего Луи не имеет ничего общего с этой историей. Но вы должны все выяснить между собой.

Лишь на мгновение я представила себе Луи на убогой съемочной площадке на съемках одного из фильмов, финансируемых *его* компанией. Как любой хороший хозяин в подобном, весьма специфическом бизнесе, он должен был снимать пробу, пусть даже только для того, чтобы проконтролировать качество товара. Я представляла, как он между двумя дублями позволяет себе побаловаться с пухлогубой блондинкой, которая так глубоко заглатывает его член, что кажется, будто ее рот прилип к нижней части живота моего мужчины. Девушка умело берется за дело и вскоре, приближаясь к развязке, доводит его до оргазма несколькими старательными движениями вверх-вниз, изогнувшись и выставив зад так, чтобы максимально попасть в поле обзора камеры.

Подобно некоторым звездным продюсерам, был ли Луи способен организовать всем известные отборочные кастинги, эти фальшивые прослушивания, где кандидатуры занимались проституцией в обмен на мечту о славе?

– Если вы хотите, чтобы он смог защититься от нападков, находясь в хорошем расположении духа, – продолжил Маршадо, внезапно возвратив меня из моего видения, – он должен чувствовать, что вы на его стороне.

В нескольких шагах от нас вновь воссоединившаяся парочка, тесно обнявшись, удалялась по направлению к метро. Я завидовала тому, что они смогли оставить свои обиды в прошлом, и даже тому, что они развелись, ведь это помогло им снова быть вместе с этого вечера.

– Я его поддерживаю, – подтвердила я жалобным голосом.

– В таком случае скажите ему об этом.

Вернувшись на улицу Трезор, я провела остаток дня, отправляя беспомощные сообщения на мобильный Луи, сначала легкие и непринужденные, затем все более и более серьезные. В данную минуту уже ни одно радио и ни один информационный канал не обошел стороной новость дня: в деле Делакруа предъявлен иск брату, или, точнее, другому брату. Журналисты буквально упивались этим. Они даже мелодраматично цитировали Библию и вечное соперничество Авеля и Каина. Эта история была для них настоящей находкой, поскольку в ней присутствовали все компоненты запутанной трагедии. Некоторые коммен-

таторы настаивали скорее на экономических аспектах этого неожиданного поворота: таким образом, сняв с себя все подозрения, Дэвид смог устранить последние препятствия к слиянию его компании с корейской ГКМР. Слава и неприличное богатство, несмотря на все то, чем он уже обладал, широко раскрывали ему свои объятия.

К восьми часам вечера, как раз когда начались вечерние новости по двум крупным каналам, мой телефон наконец завибрировал. Я тотчас же выключила телевизор и поспешила взять мобильный. Увидев высветившееся на экране имя, я не смогла сдержать разочарованного вздоха.

– Анабель, добрый вечер. Жан-Марк Зерки.

– Добрый вечер, господин адвокат.

– Я в «Трезоре», на первом этаже. Жду вас.

Один? У меня не было возможности спросить его об этом. Он уже отключился.

Я наспех оделась, натянув старое платье с фетровыми цветами – беззаботное время, когда я сама украшала свою одежду, казалось мне теперь таким далеким, – и сбежала с шестого этажа, рискуя поскользнуться на ступеньках, недавно натертых воском.

Шевелюра Зерки цвета вороного крыла, такая же блестящая, как и крылья птицы, помогла без труда определить столик, за которым он ждал меня.

– «Монако»? – спросил он, не поздоровавшись, показывая на свою пол-литровую, еще пенящуюся кружку.

Должно быть, запоминать вкусы и небольшие причуды своих клиентов являлось частью его работы. Устало кивнув, я согласилась и рухнула на имитирующий плетеную соломку стул. Веранда кафе, ласкаемая ленивым солнцем, была переполнена. Люди, собравшись компаниями, громко смеялись, обмениваясь планами на отпуск или пьянящими воспоминаниями о нем.

Наше неловкое молчание совсем не соответствовало этой непринужденной радушной атмосфере, но, по-видимому, никто не обращал на нас внимания.

– Несколько лет назад курс акций Барле начал стремительно падать, – заговорил Зерки профессорским тоном. – По совету некоторых финансовых экспертов, среди которых был и вездесущий Гобэр, Дэвид осуществил политику диверсификации своих видов деятельности.

– Какого рода?

– Внешне это были довольно классические виды деятельности, близкие по роду к его основному занятию. Это позволяло группе получать необходимые материалы у своих филиалов, а не у конкурентов. Кинокомпании, агентства пост-продакшн, актерские агентства и т. д. Дэвид создал около дюжины таких компаний за два-три года. Между делом это позволило ему осуществить небольшие махинации с выписыванием поддельных накладных и счетов для того, чтобы обнулить баланс в конце года и по максимуму уйти от налогов.

Я даже не стала спрашивать у Зерки, как он смог выяснить все это. Я предположила, что Луи поделился с ним некоторыми деталями. Но Дэвид всегда держал старшего брата на предусмотрительном расстоянии от наиболее уязвимой информации. Я уверена, Зерки ответил бы мне: «У меня свои источники», если бы я его спросила об этом.

– Какая связь с «East X-prod»? – спросила я перед тем, как обмакнуть губы в розовый напиток.

– Дэвид не мог рисковать, признав себя одновременно владельцем всех филиалов. Поэтому собственниками и директорами стали некоторые его родственники и посторонние лица, которым заплатили на тот случай, если вид деятельности окажется слишком «скользким».

– Но... – пробормотала я, – почему Луи взял на себя ответственность за такую компанию?

– Судя по всему, когда он поставил свою подпись внизу договора об учреждении компании, его предусмотрительно не предупредили ни о том, какие фильмы будет финансировать «East X-prod», ни о том, в каких условиях станут сниматься его актрисы...

– Вы думаете, он согласился на это вслепую?

– Можно сказать и так, – подтвердил Зерки с недовольным видом.

– Как он мог быть таким... – взорвалась я.

– Наивным? – Зерки закончил фразу вместо меня. – В тот момент Луи согласился взять на себя управление по продвижению компании по просьбе Дэвида. Их отношения стали менее напряженными. У Луи тогда не было причин подозревать брата в таком низком предательстве. Кроме того, ему предоставили управление «East X-prod» в упрощенном виде: завизировать несколько документов безобидного содержания десять-двенадцать раз в год. Он ни о чем не заподозрил...

«Монако», смесь панаше и гранатового сиропа, был крепостью не более 12 градусов. Однако внезапное опьянение охватило меня. Восклипания посетителей за соседними столиками и их лица сливались воедино. Когда я повернула голову, летний калейдоскоп, нежный и красочный, влился потоком в мои глаза и начал искажаться.

Ладонь, которую Зерки положил на мою руку, вырвала меня из этого круговорота.

– Эль? С вами все в порядке?

– Да. – Я пришла в себя. – Вы хотите сказать, что Дэвид намеренно втянул его в эту махинацию, зная, что это опасно?

– Мне кажется, все доказательства указывают на то. На деловом жаргоне это называется «громоотвод». Лох, которому дают держать зонтик, когда погода еще хорошая.

– ...И который принимает на себя молнию в случае грозы, – закончила я.

– Именно.

Его телефон завибрировал, и он мельком взглянул на экран, прежде чем вернуться к разговору со мной. Я подумала, что весь мир коллег, доносчиков и стервятников забурился вокруг него после сегодняшней сокрушительной новости.

– И все-таки... В тот момент, когда разразился скандал по делу Делакура, Луи не понял, что он попал в капкан?

– Не сразу. Поначалу Дэвид успокаивал его. Клялся, что компания «East X-prod» была извращена руками нечестных людей, конечно же, без его ведома.

– Луи поверил ему?

– Полагаю, что да. Дэвид предоставил ему те же самые фальшивые доказательства, которые стали уликами для Делакура в начале расследования. У Луи не было причин копать дальше.

Но козел отпущения об этом и слышать не хотел и стал защищаться зубами и когтями.

Что касается Луи, он предпочел молчать и скрыл от меня свою тревогу.

– Ситуация усугубилась, когда Делакура решил подать апелляцию, – продолжил Зерки. – И особенно когда скомпрометировал Дэвида. У того не оставалось выбора, кроме как утопить Луи, чтобы выкарабкаться самому.

– Но его адвокат... Уэдраого. Как ей удалось получить копию документов из Торговой палаты?

– Именно с этого момента дела между Барле усложняются, – туманно ответил он, прищурив и без того узкие глаза.

– Почему вы так говорите?

– Потому что, помимо президента компании, есть только один-единственный человек, который может получить копию этого документа.

– Кто?

– Уполномоченный представитель, осуществлявший передачу уставных документов в канцелярию палаты.

– И кто же это был? – поторопила я его, находясь на грани нервного срыва.

Готовясь произвести впечатление, он сделал большой глоток из кружки и бросил на меня пронзительный взгляд.

– Держу пари, что вы не догадаетесь... Антуан Гобэр.

Гобэр, преданный человек из компании Барле, правая рука своего хозяина. Только он.

Таким образом, Делакура полностью осознавал, что он делает, принося Луи в жертву. Таким образом, младший, усыновленный брат, укравший наследство, выиграл у него по всем статьям: Дэвид восстановил свое доброе имя, одержал триумф в своих гегемонистских планах, уничтожил своего соперника... и разрушил пару, которая убила его едва зарождающиеся отношения.

Мы выпили больше половины содержимого наших бокалов, прежде чем один из нас снова заговорил. Я задумалась, что из себя может представлять личная жизнь Зерки. Трахал ли он скучную блондинку раз в неделю? Заставлял ли свою подчиненную время от времени делать ему минет в туалетах Дворца правосудия? Был ли он любителем более пикантных игр? Был ли человеком такого сорта, с которым я могла бы столкнуться в «Двух Лунах»?

– Луи рассказал вам о том, что Дэвид хотел сделать со мной однажды в «Шарме»?

– Да, – признался он, пряча нос в пенное пиво. – Он рассказал мне об этом.

– Вы не думаете... Ну, я не знаю... что этим можно как-то воспользоваться?

– Нет. До тех пор, пока мы не располагаем никакими уликами, могущими доказать, что Дэвид присутствовал в той комнате, обвинение в групповом изнасиловании не станет рассматриваться. Это было бы ваше слово против его слова. И, учитывая сложившуюся ситуацию, ваши показания, безусловно, вызовут сомнение.

Стоило ли меня подвергать такому испытанию? Дополнительному унижению? Дэвид распечатает сделанные им мои фотографии в такой позе, что все поверят в мое добровольное согласие.

В итоге я согласилась с благоразумным мнением адвоката, который одобрил мое смирение, дважды моргнув. Между тем впервые я заметила, что он был менее уверен в себе, чем обычно. Его высокомерие исчезло.

– Эль, я... я должен вам признаться.

Его правая рука нервно теребила ножку бокала, содержимое которого угрожающе пыталось вылиться на стол при каждом движении.

– После долгих переговоров мы с Луи рассудили, что для вас будет более разумно вести вашу совместную жизнь за скобками.

– Как это, «за скобками»? – заскрежетала я зубами.

– Вы остаетесь у себя в студии. Луи – в месте, которое предпочтительно держать в секрете. Вы по максимуму избегаете контактов, особенно на публике.

Я напряглась всем телом, сидя на стуле, и синтетический каркас скрипнул подо мной, когда я подпрыгнула, чтобы наброситься на своего собеседника.

– Это вам пришла в голову такая блестящая идея?

– Подождите. – Он попытался защищаться, вновь обретая прежнюю властность и чувство превосходства. – Вы правильно поняли все, что сегодня случилось во Дворце правосудия? Это война! Открытая, беспощадная война!

Имел ли он сейчас в виду двух братьев или же судебный поединок, в котором противостоял своему бывшему наставнику, адвокату Боффору?

– Они пустят в ход абсолютно все, что смогут, чтобы запятнать репутацию Луи, – добавил Зерки.

– А жить со своим мужем... вы считаете, что это может его запятнать? – задохнулась я от возмущения.

Я знаю, я не была честна до конца. Я заставила Луи тащить на себе всю тяжесть этого решения, которое приняла сама, в одиночку, хотя оно требует мнения обоих. Я стала первой, покинувшей семейный очаг.

– Вы прекрасно понимаете, что я хочу этим сказать: Луи желает оградить вас от нападок, которые будут направлены на него. Поверьте мне, они будут. Если мы станем держать вас на расстоянии, возможно, противники сосредоточатся только на нем. Но если возле него будете находиться вы, то пресса растопчет вас. В конце концов они разузнают все о вашем прошлом в агентстве «Ночные Красавицы»...

Я предпочла не спрашивать у него, что конкретно Луи рассказал обо мне...

– ...Не воспринимайте мои слова как критику. Я не испытываю желаний как-либо осудить нравственность ваших действий. Но...

Что еще он собирался сказать мне с видом хомячка, страдающего запором?

– ...бессознательно от вашей пары исходит шлейф эротической распутности, который в данной ситуации наносит вред нашим интересам.

Я собиралась повозмущаться, но он жестом попросил меня сохранять молчание.

– Не важно, вы или нет создали тот чертов блог. Общественное мнение поверило в это, и этого достаточно. Общественность, предаваясь мечтам, возмущается, что кому-то удалось воплотить мечты в реальность. Ваша разница в возрасте, ваше заточение на год в гостиничном номере... Все эти факты на самом деле вызывают зависть. Проще говоря, до тех пор, пока вся эта история не закончится, желательно, чтобы вас считали расставшейся парой, а не парочкой развратников, купающихся в роскоши.

Мне нечего было ответить. Я просто была в отчаянии от того, что подобные рассуждения помешали мне тогда, когда я пыталась освободить Луи от его прошлого.

– Никаких появлений на публике, – в итоге покорно согласилась я. – Но это нам не мешает встречаться наедине?

– Нет... Но только ни у вас, ни у него дома. Начиная с сегодняшнего вечера вам следует быть готовой к тому, что папарацци станут толпиться под вашими окнами.

Он указал рукой на одну сторону переулка, будто бы туда с улицы Вьей-дю-Тампл должна была вот-вот ворваться свора фотографов и броситься на нас.

– Я даже посоветовал Луи более радикальное решение, – добавил Зерки. – Но он категорически воспротивился ему.

Более радикальное, чем жизнь друг без друга?

Я вопросительно посмотрела на него, и он снова уставился на меня своим ничего не выражающим тяжелым взглядом.

– Учитывая ваши прошлые отношения с Дэвидом, можно предположить, что чем больше вы будете демонстрировать единомыслие вашей пары, тем больше будет накаляться ярость вашего несостоявшегося мужа.

– И что же в таком случае является волшебным рецептом его успокоения? – с вызовом спросила я. – Устранение одного из нас двоих?

Он изобразил хищную ухмылку, очевидно, задетый степенью моего цинизма и моим боевым настроем. С таким выражением лица Зерки больше чем когда-либо был похож на исполнителя грязной работы из фильмов про мафиози.

– Нет, все гораздо проще и менее категорично, – ответил он с серьезным видом. – Развод.

6

18 июня 2010

Можно прорыдать целый день, но не два дня подряд. Мне кажется, что когда-то давно я прочитала об этом в одном научном журнале. Таков лимит нашего организма на выражение расстроенных чувств. Сначала ты упиваешься горем, плача навзрыд до изнеможения, а затем остается лишь печальное и опьяневшее от слез тело. Конец слезам, начало похмелья, отяжелевшая голова и возобновление будничных событий.

Следовательно, я излила свои чувства за вчерашний день. А 18#го, находясь в заточении в своей студии и будучи более одинокой, чем когда-либо, я воткнула двадцать четыре свечи моей жизни в пепел своего иссушенного тела. Странный, безвкусный, рыхлый торт, и к тому же безрадостный.

«Добрый день, Эль, это Франсуа... Маршадо. Знаю, что у вас сейчас нет настроения, но попытаюсь, несмотря ни на что, пожелать вам очень радостного дня рождения. Я позвоню, когда у меня появятся новости. До скорого».

Затем еще одно, спустя час:

«Здравствуй. Подозреваю, что я – последний человек в мире, которого ты хотела бы услышать сегодня. Но все-таки я хотел бы пожелать тебе счастливого дня рождения... И напомнить, что все эти неприятности касаются только Луи и меня. У меня никогда не было намерения задеть тебя, *тебя*. Наслаждайся и получай удовольствие от жизни... Это самый прекрасный возраст, но, к несчастью, слишком поздно начинаешь понимать это. Обнимаю тебя».

Дэвид...

Как он осмелился отправить мне такое сообщение? Действовал ли он по распоряжению своего адвоката, чтобы задобрить меня в надежде, что я попаду в одну из тех ловушек, которые он расставил для брата?

Моей первой реакцией был порыв тут же стереть это сообщение, но я сдержалась, подумав, что Зерки мог бы использовать эту улику, какой бы ничтожной она ни казалась.

Следующее сообщение взбудоражило меня еще больше, поскольку состояло из еле слышного дыхания длиной в пятнадцать секунд. Что может быть более анонимным? Не знаю, по какому признаку: то ли по резкому присвистыванию, то ли по чистоте звука – я поняла, что это была женщина. Кто из братьев сообщил ей о дате моего рождения? И какое извращенное удовольствие она могла получить от такого призрачного вступления со мной в контакт, в то время как она сбежала с Орлеанской площади – может быть, даже из Парижа, – чтобы скрыться от меня? Хотела ли она просто услышать мой голос? Надеялась ли, что я отвечу?

Я вновь представила, как ее силуэт украдкой появляется в кадре в «Незнакомке из Парижа». За пределами своего сада в Новых Афинах, вырвавшись из золотой клетки, где еще она могла надежно укрыться? В Сен-Мало, месте, к которому она так привязана? Или в одной из тех квартир на Лазурном Берегу, которые Хлоя упоминала в реестре объектов недвижимости семьи Барле?

Номер звонившего оказался скрыт, и у меня не было возможности перезвонить ей.

Я думала, что перехвачу ее звонок, когда спустя двадцать минут телефон завибрировал вновь. Но оттуда хлынул звуковой поток, тут же лишивший меня голоса:

– С днем рождения, с днем рождения, с днем рождения, Анабель... счастливого дня рождения!

Я позволила этому потоку извергаться еще пару-тройку секунд, а затем как можно саркастичней произнесла:

– Какое счастье, что ты хорошо танцуешь.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что ты поешь так, будто тебе медведь на ухо наступил.

– Ну спасибо, – вздохнула Соня, на самом деле ничуть не обидевшись. – Ну ладно, тем не менее счастливого дня рождения, моя красотка.

– «Тем не менее». И то правда.

Но, вместо того чтобы выслушивать мои жалобы, она проявила свой обычный задор, надеясь, что на сей раз это будет более действенно, чем обычно.

– Может, немного прогуляемся по городу?

– Эммм... что-то нет желания, – ответила я слегка капризным тоном.

Это была одна из наших культовых цитат, заимствованных из комедии, где Жан Дюжарден с таким же капризным видом и такими же словами отказывается от предложения соблазнительной особы: «Прежде чем ты уйдешь, гадкий шпион, займись со мной любовью!» – «О, я не думаю, что это возможно». – «Почему?» – «Что-то нет желания... Хм». Соня уловила намек, потому что я услышала, как она тихо захихикала.

– Ну ты же не собираешься сидеть взаперти в четырех стенах в день своего рождения?

– Нет, не беспокойся, – ответила я. – Я планирую выбраться из дома. Мне нужно нанести один визит.

Ведь уже как год 18 июня связано с куда более трагичным событием, чем мое появление на этот свет.

Прошло менее часа после моего заказа (это немного, если учитывать количество пробок на мосту Нейи), и такси высадило меня у монументального входа на новое кладбище Пюто. Я почувствовала острую боль от той мысли, что последний путь мамы не мог предложить ей ничего другого, кроме этого уродливого лабиринта застекленных небоскребов, бетонных коробок, пустырей и съездов с магистрали.

Когда мы проехали напыщенную дугообразную колоннаду, вид кладбища начал меняться. Городские озеленительные службы прилагали особые усилия, чтобы скрыть молодой возраст деревьев и создать у посетителей ощущение, что здесь раскинулся настоящий кладбищенский парк.

На этот раз я не обнаружила перед могилой Мод пожилого господина-философа, который так любезно преподнес мне урок во время моего прошлого визита. Но я уже выплакала все глаза, и ни одна моя слезинка не оросила в тот день серую пыльную землю под ногами и не отягчила солью и без того неплодородную почву.

У его теории, наверное, были некоторые основания, поскольку перед тяжелой мраморной плитой пробилась из-под земли три росточка с розовыми цветками, названия которых я так и не смогла вспомнить. Кто посадил цветы на могиле моей матери? Старик проявил изобретательность, чтобы доказать мне, как он говорил, что не слезы живых питают кладбищенские цветы?

Кто еще, кроме него?

Может быть, Луи? Как и в те времена, когда он тайком навещал маму, может быть, он подарил мне самый лучший из подарков на мой день рождения: он хранил память о Мод и разделял со мной мою скорбь?

Я подумала о последнем голосовом сообщении, которое оставила мне мама. Я не осмелилась прикоснуться к своему мобильному, словно он был радиоактивный, словно он облучил бы меня вселенской тоской, которую ничто не смогло бы победить. На этот раз, так и не прослушав его, я нажала на кнопку «Удалить». Я также удалила контакт из адресной книги. *Мод Лоран, 29, улица Риго, 92 000 Нантр* больше не существовала.

Я провела еще долгое время здесь, без мыслей, без рыданий, безмолвно стоя напротив серой плиты. Какие-то поникшие фигуры ходили мимо меня. Но никто не остановился. Я не чувствовала ничего, кроме огромной пустоты, большого чистого листа, который разворачивался передо мной до самого горизонта, теряясь из виду.

На обратном пути в такси этот рулон девственно чистой бумаги продолжал разворачиваться передо мной, а я размышляла над бесчисленными способами его заполнения. Уж это я умела делать. К этому у меня был талант. Напрасно я забросила в последнее время письменное творчество, ничто другое, кроме слов, не могло придать смысл недавним событиям. Я когда-то где-то прочитала: «Писать – это значит переваривать реальность, чтобы сделать из нее съедобную массу».

Несмотря на то что я потратила уйму времени, работая над своими записями – я быстро перечитала их в телефоне, пока автомобиль увозил меня в сторону Парижа, – они показались мне причудливой мозаикой. Помимо того, что общая картина вырисовывалась очень слабо, сами отрывки еще и плохо состыковывались.

Тогда я снова подумала о паре из «Двух дворцов». Я представила их на следующую ночь после развода. Признали ли их тела друг друга сразу же? Или им пришлось вновь приручать друг друга? Получали ли они удовлетворение от прошлых утех или изобрели искусство любить и наслаждаться заново?

Приехав на улицу Трезор, я поспешила в свою квартирку и бросилась к клавиатуре компьютера. Я не имела понятия о том, как вернуть плодородие почве на кладбище. Но отныне знала, как оплодотворить мертвые пустоши своего прошлого, чтобы взрастить на них цветы настоящего. Как всякий начинающий автор, я принялась набирать название книги вверху страницы:

«Сто раз на дню».

Было решено, что я не предоставлю неуклюжим словам фан-прозы привилегию описать нашу столь особенную страсть. Если кто-то и имеет право сделать это, то только я. Я обмакну свое перо в чернила наших флюидов, подумала я, таково было мое намерение, равно как и мой метод. Что касается построения текста, нужно просто следовать за развитием наших непристойных приключений, о которых свидетельствуют наброски в посеребренной записной книжке, незаметно поселившейся в моей дамской сумочке вплоть до наших последних объятий в комнате номер два. Поскольку секс был каркасом моих отношений с Луи, требовалось всего лишь выставить его напоказ, обнаженным, а затем постепенно облачать в одеяния, страница за страницей.

Через несколько минут после моего возвращения в дверь позвонили, и, открыв ее, я увидела курьера, принесшего мне роскошный букет. Это был словно знак свыше. Пестрая, почти необъятная охапка, разноцветное ассорти из тонких стеблей и широких распустившихся лепестков, в котором я сразу определила сорта цветов, украшавших нашу свадьбу в Мальмезоне. В букете не оказалось записки, это было ни к чему.

Просто для удовольствия, поскольку я знала начало, середину и уже представила в своих фантазиях конец, я могла позволить себе брать материал то там, то здесь разными яркими эпизодами, которые стали ключевыми для нашего года. Без всякой логики, потому что они были, наверное, самыми нежными нашими воспоминаниями, я решила сформировать топ-лист и составить список самых прекрасных моментов, проведенных в «Шарме». Ну и пусть я не следовала хронологии нашей истории, порядок можно откорректировать позже.

Выбор был труднее, чем я ожидала. А найти правильные слова – еще сложнее. Не важно. Я должна была начать свой роман с этого, с бьющегося сердца нашей любви:

Топ 5 моментов нашего наслаждения в «Шарме» (перечень и порядок не окончательны):

1. Это отличительная особенность повторяющихся ласк: со временем они все сливаются в единое воспоминание. Какой бы изощренной ни была пара, кто спустя несколько месяцев или несколько лет близости сможет определить такое слияние с точностью, как великий победитель этого вечного поиска ощущений. Дэвид Лодж написал прекраснейшие строки по этому поводу в «Терапии».

Однако... Это одно из наших первых пробуждений в «Жозефине». Я бросила Дэвида, и через некоторое время мы с Луи объявили о нашей свадьбе. Мы занимались любовью, Луи и я, всего несколько дней. Я не считаю количество наших запланированных свиданий в разных комнатах того же отеля, где наши встречи имели вид посвящения, цель которого заключалась в том, чтобы раскрыть меня, в них не было истинного желания. Отныне же я чувствовала себя желанной.

Луи еще спит, и утренний луч солнца освещает своим сиянием интерьер комнаты в пурпурных и золотых красках, а также контуры наших тел. Погода мнит себя фотографом и использует технику выдержки, делая все вокруг более светлым и прекрасным. У нас еще не сделаны одинаковые татуировки на лобках. Кожа внизу его живота с несколькими выюющимися волосками на ощупь гладкая и нежная – я касаюсь ее лбом, когда приближаюсь губами к его спящему члену. Я краешком губ захватываю сморщенную крайнюю плоть, осторожными поцелуями касаясь кожи. Потом настойчиво вторгаюсь языком в складки, слежавшиеся за ночь, и, наконец, направляю нежный и требовательный кончик языка в отверстие. Он стонет. Затем слегка шевелится. Я следую за его членом, словно хищник в засаде, наконец решившийся наброситься на него. Когда я заглатываю член одним жадным глотком, Луи хрипит сильнее, осознав, что я его ласкаю. Прилив крови к члену зачаровывает меня: содрогание его мошонки, пульсирование синих вен, выступающих под кожей, спазмы его члена, постепенно набухающего и наполняющегося желанием, появление полупрозрачной капли, которая вскоре выступает на пурпурной плоти головки. Я проглатываю ее одним движением языка, затем иду все ниже, до уздечки, напряженного пестика, который ждет своей очереди, чтобы я собрала с него нектар. Каждый раз, когда я провожу по ней языком, весь член отзывается неудержимым содроганием. Луи что-то мурлычет ободряюще в мой адрес. Тогда я обхватываю губами весь пенис целиком, достаточно плотно сжимая их, чтобы кольцо эластичной плоти, созданное вокруг его органа, давало ощущение, что он вошел в меня. Движения вверх-вниз ускоряются, и причмокивающие засасывающие звуки заставляют меня двигаться с еще большей скоростью и энтузиазмом. Его пенис напряжен до предела. Сквозь полуприкрытые веки Луи я замечаю его признательный взгляд. Мой мужчина обожает, когда я застаю его вот так врасплох, когда управляю его желанием и порожаю его, когда делаю его возбуждающим эротическим объектом, подчиненным моим желаниям. Именно по этой причине минет находится на лидирующем месте в моей классификации любовных утех. За взгляд, который меня благодарит. За мой рот, порабащающий его. За желание, которое разрывает мое лоно и заставляет меня истекать соком до изнеможения. Особенно за то, что оно распоряжается его желанием. В этот день я была его вещью, потому что он согласился быть моей.

При этих воспоминаниях мне захотелось ощутить член Луи во рту. Я погрузила туда свои пальцы. Потом не глядя запустила их, влажные и покрытые слюной, в свои уже намокшие трусики. Я начала неистово гладить себя, беспорядочно, бездумно. Время от времени я пощипывала клитор или вводила во влагалище жаждающий средний палец. Моя вагина горела.

Мне было этого недостаточно, я чувствовала себя неудовлетворенной. Тогда я вспомнила о трусиках с вибратором. Подарок Сони, первая попытка применения которого оказалась малоубедительной. Я ввела его и нажала на переключатель впереди.

2. Никто и никогда не осмелится признаться в этом, но сексуальные отношения в чем-то схожи со спортивными состязаниями. Есть удачные дни, есть выходные, и есть дни с неожиданно слабым результатом. Можно ежедневно прилежно упражняться, показывать самые лучшие результаты на тренировке и с треском провалиться в день Д. Но секс представляет дополнительную сложность: в постели находятся двое спортсменов. И они должны предстать в своей лучшей форме в надежде устроить показательные выступления. И вот наступает тот благословенный день, когда все идет как по маслу и все сходится, в том числе самые простые состязания, равноценные короткой программе фигурного катания.

Я не могу назвать даже приблизительную дату. Но помню о случившемся, словно все произошло несколько часов назад. Это было ближе к вечеру, после сиесты. Залитая солнцем зима задувала в окно бодрящий холод. Луи не стал ждать моего пробуждения, чтобы начать мастурбировать рядом со мной. Я просыпаюсь и молча наблюдаю за ним. Его жесты легкие, неспешные, прилежные. Алая головка члена блестит в ладони, словно фонарь, волшебная лампа, у которой нужно потереть верхушку и бока. Луи занимается этим сосредоточенно, с прерывающимся вздохами дыханием. Он красив. Его глаза ищут мои, бросают мне вызов, приглашают меня. Тогда моя рука скользит вниз. На мгновение мы возвращаем наши руки обратно и жадно облизываем пальцы друг друга, вдыхаем их аромат. Затем вновь принимаемся за наше приятное эгоистичное занятие, бок о бок, наши взгляды прикованы друг к другу, наши хрипы перемешиваются. Мы двигаемся вместе, движения с каждым разом все интенсивнее. Мы охвачены наслаждением, которое нарастает и затемняет небо комнаты. Вскоре две вспышки пронзят нас. Я кончаю первая. Зрелище судорог, которые сотрясают меня, так вдохновляет его, что он на мгновение прекращает свои движения. С любопытством Луи скользит ладонью между моих ног, чутко улавливая спазмы, содрогающие мои бедра и анус. Я хватаю его руку и целую ее, как будто это она только что доставила мне удовольствие. Моя очередь наблюдать за ним. Немного погодя Луи сжимает челюсти, запрокидывает голову, задыхается и с последним всхлипом, словно уходя с дистанции, оставляет на своем животе белую полосу. Я бросаюсь слизывать ее.

К счастью, у трусиков, подаренных Соней, есть положение «Нет эсэмэс». Вибрация немедленная и постоянная.

Я настолько возбуждена, что покалывания моей вульвы, производимые вибратором, дают ощущения самых изощренных ласк. Постепенно вибрация раскрывает мои губы, увлажняет гениталии, выводит из укрытия клитор.

3. Встреча после разлуки – ни с чем не сравнимое по остроте ощущение. Эмоции, вызванные подозрением и ревностью, похожи, менее приятные, но еще более сильные. Луи и я, мы почти не расставались ни на минуту во время года нашего нежного заключения. Однако несколько раз Луи исчезал. Иногда он называл мне причину своего отсутствия: переговоры по поводу увольнения или подготовка к выставке «*Permanent sex*», в других случаях нет. Это меня мучило. Когда Луи возвращался, я бросалась на него со страстью, надеясь, что она оставит его в изнеможении. На сей раз это оказалось правдой...

Едва он пересекает дверь «Жозефины», как я набрасываюсь на его шею, губы, член, уже обнаженная, с набухшей грудью, с твердыми сосками, направленными на него, словно два колючих упрека. Я срываю с него одежду. Все летит в стороны и падает летним хлопковым дождем вокруг нас. У меня нет ни желания, ни необходимости в прелюдии. Я разогрелась сама, в одиночестве, в течение долгих часов ожидания. Я уже предалась удовольствию два или три раза. Схватив Луи за руки, я тащу его изо всех сил и заваливаю в постель. У него нет времени ни на что, он смиренно улыбается, когда я уже сажусь на него верхом.

Я не даю ему наклоняться в сторону, что он часто любит делать в такой позе. Сегодня я раскрываю бесконечную мощь своих гениталий над его, когда сжимаю его в вагине. Сидя на корточках внизу его живота, раздвинув ноги по-лягушачьи, я поднимаюсь и опускаюсь на его трепещущей оси. Он – нефтеносная жила, я – колодец. Его хрипы никогда раньше не были такими приглушенными. Его член никогда не пронзал мое нутро с такой силой. С каждым погружением в мои глубины его бурильная машина находится на грани взрыва при контакте с моими мягкими и обогащенными желанием породами. Тогда я замедляю темп, я экономлю ценный материал и плодородную землю. Припав на мгновение к подножию буровой установки, молча, сняв несколько пластов с него и с меня, вскоре я вновь принимаюсь за бурение и улавливаю малейшую каплю, которая внезапно выступает на его поверхности. Его оглушающий крик, его потерянный взгляд, рука, сжимающаяся на моей талии... Он кончает с неистовой силой, вызывающей у него слезы. Я вытянула из него все лучшее. Я первооткрыватель.

Оргазм, вызванный вибрирующими трусиками, оказался кратким. Это был обычный оргазм без облегчения, но я все же насытилась им настолько, насколько возможно. Не в силах отыскать рычажок, чтобы выключить вибрацию, я поспешно сняла трусики и бросила их на пол.

Тысячи действенных игрушек не заменят мне даже одной минуты секса с Луи. Даже в наши худшие дни.

4. Четвертую позицию в этом рейтинге занимает утро в комнате номер два спустя несколько дней после нашей свадьбы. Эта позиция представляет меньшую ценность по ощущениям, но большую по символизму. Иногда причины, по которым испытываешь наслаждение, важны по меньшей мере так же, как и сам оргазм. В тот день я испытывала наслаждение в статусе замужней женщины, жены, которая отдает себя, и это намного превосходит по интенсивности мои скачки амазонки верхом. Это так. Больше всего забываешь о том, кто ты, когда забываешься с тем, кого любишь.

Сообщение от Луи прервало мои мысли, как раз когда я собиралась рассказать о последнем из самых прекрасных моментов наслаждения.

В MMS был фотоснимок, который демонстрировал по меньшей мере необычный вид... потому что он изображал подколенные складки, если смотреть на них сзади. Иными словами, впадина его колен. На покрасневшей коже, посреди следов от белого крема, того, который наносят сразу после набивки татуировки, можно было увидеть на левой – К, на правой – О.

Нокаут, стоя на ногах. Таков был Луи в эти траурные дни, когда нам не давали любить друг друга.

7

19 июня 2010

– Я не оставляю тебе выбора, моя старушка. Если ты до сих пор не поняла, это не приглашение... Это привлечение в принудительном порядке!

Даже будучи назойливо#неприятной, Соне удастся вызвать у меня улыбку. Это дар. Не важно, что она застала меня врасплох во время моих отшельнических переживаний, со слезами на глазах. Я заранее знала, что в конце концов подчинюсь ей.

Луи был в нокауте, а я даже не вставала с кровати. Я продолжала чахнуть в постели со вчерашнего дня, и влажные простыни плотно облепили мои обнаженные формы, а лоб пылал жаром.

– О'кей, о'кей... И куда я должна явиться, мой генерал?

– Ты что, вообще ничего не слышишь?! В отель, на улицу Бозар, дом шесть.

– Отель... – Я остановилась в ожидании названия.

– Да, это отель, который называется «Отель».

Место, о котором шла речь, как она уточнила мне затем в нескольких взволнованных словах, было известно тем, что являлось последним пристанищем писателя-денди Оскара Уайльда. Заведение даже могло похвастаться тем, что владельцы отреставрировали номер, который тот занимал, вернув ему первоначальный вид. Достопримечательность, привлекавшая сегодня богатых туристов со всего мира. Действительно, стоимость номера в «Отеле» составляла шестьсот восемьдесят евро за ночь.

– И я обязательно должна прийти туда сегодня? Сейчас?

– Напоминаю тебе, что это он назначает наши встречи. Я не могу ему сказать: нет, подождите, это невозможно, моя подруга, которая должна проследить за вами, сегодня занята.

Следовательно, таков был Сонин план. Проследить за ее незнакомцем. Увидеть, что он из себя представляет, определить, куда идет, собрать все, что можно, чтобы установить его личность, но, *главное*, не вмешиваться и не контактировать с ним. Если бы мое настроение было более радужным, я бы, без сомнения, вдохновилась этой игрой в шпионов. Но Соня все-таки полагала, что выполнение ее просьбы развлечет меня. Продолжение истории докажет, она одновременно и была права, и ошибалась.

– Хорошо... Во сколько?

– Я должна встретиться с ним в три часа. Ты подходи к четырем или к четверти пятого.

С тех пор как Соня стала приходить в темную комнату, должно быть, она научилась приблизительно оценивать длительность их любовных игр.

– Ладно. Оказавшись на месте, что я должна делать? Закричать: «Полиция!» и вынести дверь?

– Прекращай свои глупости. Каждая комната носит имя старого кинорежиссера черно-белых фильмов... «Ренуар», «Хичкок» или «Фриц Ланг». Консьерж привык к этому. Потому ты просто спросишь номер какого-нибудь режиссера, который умер более тридцати лет назад, и тебе назовут номер и этаж.

– А затем?

А затем нужно было просто оставаться в засаде. Что я и сделала, следуя ее указаниям.

Другой особенностью отеля, помимо его обезличенного названия и славного литературного прошлого, было внутреннее убранство. Все номера располагались вокруг гигантского светового колодца по центру. Круговая галерея, пронизанная высокими арками, проходила через все этажи и вела к дверям. Преимущество такого расположения заключалось в

том, что это позволяло мне, спрятавшейся этажом выше, наблюдать за происходящим, практически не рискуя быть замеченной.

Совсем не сдержанными и выдавшими себя оказались крики и стоны, которые я почти сразу же услышала из комнаты 22. Соня... Я быстро отогнала прочь всплывающие в голове непристойные картинки: лицо незнакомца, склонившееся между бедер моей подруги; ее великолепная задница, отшлифованная часами занятий танцами, поднятая к члену мистера икс; ее любовник, входящий в нее, в то время как она раздвинула ноги с такой амплитудой и гибкостью, которую можно ожидать только от балерины. Их неистовые крики усилились. Чтобы не слышать их, я приложила усилия, пытаюсь вспомнить свои собственные ощущения от близости с Луи в темноте, в маленькой гостинице порта Доре. Необыкновенная напряженность возвращалась ко мне из того времени шаг за шагом. Мы начали мастурбировать вместе, рядом друг с другом, даже не касаясь друг друга, совершенно свободно демонстрируя наши тела друг другу, где никто другой не видел нас.

Покачиваясь, опираясь одной рукой на арку в узком коридоре, я изо всех сил боролась всем своим телом, чтобы не поддаться неистовому желанию начать ласкать себя прямо здесь и сейчас. Коридор был пуст. Кроме криков Сони и ее любовника, не слышалось ни звука. Так просто было скользнуть рукой под юбку и предаться экспресс-удовольствию, сжимая бедра и ягодицы, чтобы не шататься, откинув голову назад в ожидании первых содроганий. Я так возбудилась, что даже не заметила, как прекратились их крики. Резкий щелчок захлопывающейся двери вернул меня к реальности. Я забыла, что должна вести наблюдение! Коридор второго этажа уже был пуст. Мужчина ускользнул от меня...

– Черт, черт, черт... – зашипела я сама на себя.

Вместо лифта я предпочла лестницу черного хода, по которой побежала галопом, перепрыгивая через несколько ступенек. Мне показалось, что было слишком много шума, я одна не могла создавать такой грохот своей беготней. И на самом деле, снаружи меня поджидали раскаты внезапно начавшейся грозы, сопровождаемой пеленой дождя.

Куда он ушел?

В плотной завесе ливня, который скрывал обзор улочек, я различила одинокий силуэт, возможно, того самого мужчины, если судить по его осанке и бодрому военному шагу. Он бежал к укрытию в направлении улицы Бонапарта и Института изящных искусств. Я бросилась вслед за ним, закрывая голову руками, поскальзываясь под грозовой тучей на скользкой мостовой.

Когда незнакомец свернул направо, на улицу Бонапарта, ливень начал хлестать еще сильнее, словно Сена неподалеку отсюда внезапно обрушилась на нас всем своим содержанием. Я не стала доставать мобильник, интенсивно вибрирующий в кармане. Я знала, что это звонила Соня, которая хотела узнать новости.

На углу набережной Малаке мужчина зашел укрыться от грозы в кафе Института изящных искусств. Спустя несколько секунд, вымокшая, словно старый пес, вошла и я. Я прошла через зал до диванчика из красной искусственной кожи, куда он только что опустился, и села на стул напротив. Казалось, мужчина не был удивлен, увидев меня. И не был шокирован тем, что я навязываюсь подобным образом. Вместо этого он окликнул официанта властным жестом, словно все было в порядке вещей.

– По крайней мере, это была не... – заговорил Маршадо, но так и не закончил свой вопрос, глядя на меня удивленно.

– Нет, это была не я.

Не я была той, с которой он столько времени упражнялся в разных позах, ничего при этом не зная о ней. Той, кого он сводил с ума клубничным запахом своих гениталий. Той, которая до сих пор не прекращала попыток снять с него маску.

Тут я заметила его кремовую панаму, валяющуюся на диванчике, словно тряпка. Пресловутая шляпа, о которой мне говорила Соня, единственная улика ее загадочного любовника. Мне следовало бы догадаться раньше...

– Но вы ее знаете, не так ли?

Если нет, то зачем бы я за ним тогда следила? Я наблюдала, как эта игра его раззадоривала, но в то же время озадачивала. Он, безусловно, не ожидал, что сегодняшний день станет днем великого разоблачения. Но, должно быть, давно понял, что это событие, такое заманчивое и разочаровывающее одновременно, однажды произойдет.

– Можно сказать и так, да, – ответила я с понимающей улыбкой.

– Кто она?

– Вы тоже ее знаете. Если я правильно поняла, вы даже танцевали с ней отвязный рок-н#ролл в день моей свадьбы.

Маршадо недоверчиво и ошеломленно вытаращил глаза. Он уже раньше говорил мне о своем влечении к Соне. Но вообразить, что она и его любовница-незнакомка были одним человеком...

Может, в глубине души он оказался слегка разочарован. Может, втайне надеялся на то, что у его таинственной любовницы более экзотичная внешность, чем внешность моей лучшей подруги.

А главное заинтересованное лицо больше не могло сдерживаться. Соня уже не довольствовалась простыми эсэмэсками. Мелодия моего мобильного звучала непрерывно. Так ребенок, который желает узнать тайну, дергает вас постоянно за рукав: «Ну скажи, ну кто это?»

Маршадо чуть заметно покачал головой и категорично заявил:

– Не говорите ей.

– Шутите? Как вы себе представляете возможность скрыть от нее это?

– Не так сразу. Я в самом разгаре развода... и не хочу все смешивать в одну кучу. Я не могу.

Он, никогда не поднимавший эту тему с того момента, как обнаружил фотографию своей жены Сесили в объятиях Дэвида, только сейчас выставил на свет свою скорбь.

Однако меня это ничуть не тронуло. Я считала его абсолютным лицемером: он оставлял свою жену под предлогом, что та изменяла ему, когда сам уже довольно давно обманывал ее с другой, более молодой и красивой.

Должно быть, Маршадо почувствовал укор в моем взгляде, потому что поспешно добавил:

– У меня к вам будет еще одна маленькая просьба.

– Я вас слушаю.

– В Интернете больше нет доступа к каталогу «Ночных Красавиц».

И впрямь. Он был недоступен уже больше года, с тех пор как Ребекка удалила его по спешной просьбе Дэвида.

– И что же? Что вы хотели узнать?

– Я хотел бы получить подтверждение, что там фигурировала одна особа. Ребекка Сибони была хозяйкой агентства, да? Не могли бы вы спросить у нее?

Почему он пришел к такому предположению? Ему было недостаточно компрометирующего снимка жены. Без сомнения, он продолжил вести свое расследование дальше. Чтобы найти что? Чтобы разбередить какую рану?

Несмотря на его небольшие предательства, я многим была обязана Маршадо. С тех пор как я решила избавиться от темных пятен в прошлом семьи Барле, он всегда был со мной, на моей стороне.

– Сесиль? – осмелилась я задать вопрос. – Это она?

– Да, – подтвердил он.

– У вас есть фотография, которую вы можете переслать мне?

Разумеется, только не та, на которой его обнаженная жена прижималась к своему другу. Он нервно начал рыться в памяти своего телефона, и через минуту я получила недавно сделанный и отфотошопленный портрет рыжеволосой женщины средних лет, чьи скульптурные формы я видела вздымающимися над телом Дэвида.

Эта женщина была внесена в картотеку «Ночных Красавиц»? Если да, когда и под каким именем?

Заранее благодарю. Э.

Ребекка почти сию же секунду прислала мне утвердительный ответ.

– Она и вправду работала там, – заявила я Франсуа как можно более нейтральным тоном. – С начала 2004 года и до закрытия агентства.

То есть Сесиль четыре года занималась проституцией, чтобы развеять свою буржуазную скуку в объятиях мужчин более состоятельных, чем ее муж, но которые при этом вращались в тех же кругах, что и он. Все эти годы Маршадо был рогоносцем, сам того не зная.

Я не сообщила Франсуа профессиональный псевдоним, выбранный его женой для этих оргий: Северина, героиня Катрин Денев в фильме Луи Буньеля. Северина, ледяная красавица, которая утоляет праздность, продавая свое великолепное тело, так редко используемое супругом.

Меня заинтриговала одна деталь: как Маршадо, который прилежно и регулярно посещал девушек из агентства, смог упустить в картотеке файл с фотографией собственной жены? Без сомнения, благодаря осмотрительности содержательницы публичного дома, хозяйка «Ночных Красавиц» каким-то образом отфильтровывала просматриваемые им портфолио.

Он с мужеством принял эту новость, не вымолвив ни слова, и взглядом указал на мой мобильный, который не прекращал вибрировать. Соня была в агонии, и я ожидала, что она, обежав всю округу в поисках меня, в любое мгновение может появиться здесь, опьяненная тревогой и любопытством.

– Ответьте ей что-нибудь. Не важно, что...

Не слишком гордясь тем, что мне приходится обманывать свою подругу, я задумалась на мгновение, затем составила сдержанную формулировку:

Я упустила его из-за грозы. Сожалею, но я не видела его лица. У меня срочные дела, связанные с судебным иском.

Я тебе позвоню. Целую.

– Ну вот, это должно успокоить ее на некоторое время, – натянуто улыбнулась я.

Он угрюмо кивнул и, казалось, пытался подобрать слова:

– Эль... Меня уволили.

– Что? Из «Экономиста»?

Для начинающего журналиста, каким была я, человек, подобный Франсуа Маршадо, казался непоколебимым, словно маяк, в издательском пейзаже.

– Но они не могут выставить такого профессионала!

– Еще как могут. Им даже не пришлось собирать административный совет. Два-три телефонных звонка – и готово.

– Но с таким опытом работы вы найдете себе новое место за неделю, – яро ободряла я Маршадо. – Уверена, что вы уже практически нашли его.

Франсуа тяжело вздохнул и посмотрел на меня с мрачным спокойствием.

– Полагаю, вы недооцениваете авторитет своего бывшего друга и то, какие проблемы он может доставить... Я уничтожен. До тех пор пока он не снимет свое вето, ни одна редакция не возьмет на себя риск принять меня на работу.

Наказание последовало незамедлительное и хлесткое. Со времени последнего звонка Хлои, несколько дней назад, у меня больше не было новостей о каких-либо возможных судебных последствиях, предпринятых в ответ на появление моей колонки в журнале. И вот по какой причине: именно Маршадо пришлось заплатить по счетам. Дэвид понял, кто стал инициатором данной публикации. Он догадался, что этой тайной вендеттой обязан скорее приятелю-рогонослу, чем бывшей подруге, подвергшейся насилию.

– Другими словами, я подписал смертный приговор своей карьере в сорок пять лет.

Официант поставил перед нами две дымящиеся чашки эспрессо, и я оставила Маршадо в покое, пока он задумчиво глядел на причудливые молочные узоры на поверхности кофе. Я была ошеломлена заявлением Франсуа, тронутая его фаталистичным настроением.

– Хорошая новость, – вновь заговорил он, поморщившись, после двух обжигающих глотков горячего напитка, – заключается в том, что у меня теперь будет много свободного времени, чтобы копаться в его прошлом. И поверьте, в конце концов я найду то, что ищу.

Он уже продемонстрировал мне свою бульдожьей хватку, свой нюх ищейки, свою ненасытную жажду поиска истины, которая заставляет рыться в мусорной куче, облизывая губы, ведь для него столь приятен аромат открытия, хоть он и источает смрад самых мерзких нечистот и отбросов.

Без сомнения, Дэвид не рассчитывал, что Франсуа Маршадо окажется тем, кто в итоге нападет на него с такой яростью, такой верный, преданный, такой надежный. Отныне это был питбуль, пущенный по его следам, который не остановится ни перед чем.

– Вы уже откопали много секретов, – попыталась я поддержать Маршадо.

Я была абсолютно искренна. Благодаря ему я семимильными шагами продвинулась в своих расследованиях тайн семейства Барле. Безусловно, я никогда бы не получила на руки документы зачисления Эмили Лебурде в Сен Браладр, если бы не он. А это звено было самым главным в установлении ее родственных отношений с Дэвидом.

– Хм... Но я уверен, что можно сделать еще больше. Недостаточно просто собрать отягчающие улики. Нужно их использовать.

– Что вы хотите сказать этим?

– С тем, что мы нашли в Бретани, можно легко установить, что Дэвид был виновен в двух серьезных правонарушениях Гражданского кодекса.

– Инцест? – предположила я.

– Точно. Но есть кое-что получше: поскольку мы в состоянии доказать, что Аврора, или точнее Эмили, все еще жива, их брак имеет законную силу. А если Дэвид по-прежнему настаивает на своих планах бракосочетания с Алисой... Он будет двоеженцем!

Меня передернуло от ужаса. Всего лишь год назад я чуть не вышла замуж за мужчину, уже женатого на собственной сестре. Конечно, информация для меня не новая, но никогда она не была сформулирована настолько четко и ясно.

Я начинала понимать, какого гнусного фарса мне удалось избежать.

– Франсуа, – окликнула я Маршадо, наклонившись к нему, с нежной и успокаивающей улыбкой на устах. – Я прекрасно понимаю ваше желание... Но, думаю, сейчас выбран не самый удачный момент, чтобы выставить эту историю на свет.

– Но с такой информацией мы его прищучим! – распалился он.

– Нет, – поправила я его, – это может привести лишь к тому, что подтолкнет Дэвида и Луи к новым судебным разбирательствам. В данный момент мы должны как можно лучше защитить моего мужа, а не сбрасывать атомную бомбу на нашего противника. То есть, я хочу

сказать, у Луи есть адвокат, очень хороший. И я не хочу предпринимать ничего, что могло бы поставить под угрозу его систему защиты.

Маршадо слегка нахмурился, проглотил залпом оставшийся кофе и вернул себе, или, по крайней мере, сделал вид, менее агрессивный настрой.

– Хорошо... Будем следовать официальному курсу партии, – произнес он сдержанно и с иронией. – В таком случае, по какому еще следу вы предложили бы пойти?

Чтобы сохранить такую важную для меня помощь с его стороны, я должна была поддерживать в нем надежду отмщения. Утолить жажду сенсационных новостей.

– Если вы, конечно, согласитесь, я думаю, вам бы следовало продолжить поиски информации о родителях Лебурде. В конце концов, мы не знаем, что с ними случилось и почему их дети попали в сиротский приют Бретани... Так же, как нам неизвестны условия их усыновления.

– О'кей, – согласился он, опуская веки на сиреневатые круги под глазами.

Должно быть, ему не удавалось выспаться за последние несколько недель. Маршадо говорил мне когда-то о разводе. Жил ли он до сих пор в своем уютном доме в парке Мальмезон, в роскошном квартале возле замка? Или оставил супружеское жилище?

Он как будто прочитал мои мысли и, быстро набросав несколько коротких заметок в своем ежедневнике, посчитал нужным уточнить:

– Сейчас не самое лучшее время для расследования. У меня больше нет кабинета, я живу в гостинице... Маленькое практичное жилище в квартале Шатеньере, возле теннисного корта, где я играю с Дэвидом.

Он уткнулся носом в пустую чашку и тут же исправился:

– ...То есть, где я *играл* с ним.

– У вас все еще остались связи в министерстве социальных дел? – вернула я его на более стабильную почву.

– Да. Гийом – мой старый приятель. Он мне кое-чем обязан. Но в связи с тем, что случилось со мной, вполне можно ожидать, что он с меньшей готовностью будет отвечать на мои вопросы.

– Это точно... Но все-таки вы чертовски хороший журналист!

Спонтанность моей тирады заставила его скромно улыбнуться, и меня поразили контраст его улыбки с улыбкой Дэвида, в которой торжествовала уверенность человека, обладающего надежной поддержкой.

Когда я поднялась и собралась уходить, он лихорадочно схватил меня за руку.

– Эль... Вы думаете... Вы думаете, что мне следует увидеться с Софией? Я имею в виду, сняв с лица маску инкогнито?

– Я поняла, о чем вы. Думаю, да. Позвоните ей.

Хотя мои собственные личные отношения оставляли желать лучшего, это был не повод, чтобы приносить в жертву счастье других людей.

– И главное, не затягивайте, – бросила я, выходя из кафе. – Вы знаете, она более уязвима, чем кажется.

8 20 июня 2010

– Да нет же, ты в самом деле самое бездарное ничтожество из всех, кого я знаю. Это просто невозможно!

Помогайте вашим друзьям. Желайте им лучшего. Содействуйте их любовным отношениям, в том числе и самым нелепым или, очевидно, обреченным на провал. И пожинайте сладкие плоды благодарности.

– Как ты могла упустить человека, который шел в десяти метрах от тебя по улочке шириной не больше коридора?

Мне нечего было ответить в свое оправдание. Маршадо следовало как можно скорее выйти на связь с Соней и раскрыть ей обратную сторону своей личности.

Он сделал это пару часов спустя, и подруга прекратила изводить меня. Сейчас выбор был за ней: ей следовало принять решение и объявить бедняге Фреду о том, что того вновь обошел соперник старше и богаче его.

Я не ожидала, что Франсуа вновь выйдет на связь со мной так быстро. Я предполагала, что он будет целиком поглощен новой дамой сердца. Что касается Сони, мне-то известно, как она могла проявлять свою ненасытность.

– Я уже узнал чуть больше о семье Лебурде, – сообщил Маршадо, даже не поздоровавшись.

– Так скоро?

– Я слышал это имя раньше. Значит, я когда-то брал интервью у человека, о котором идет речь, либо он является моим коллегой.

– Лебурде был журналистом? – чуть не поперхнулась я.

– Более того. Главным редактором газеты. Я обнаружил его след в старых ежегодных справочниках прессы, которые храню дома. И затем я сделал несколько телефонных звонков своим собратям по перу, большая часть из которых уже на пенсии, они подтвердили мою информацию.

– Редактором? Но какого издания?

– Роже Лебурде, – начал читать он на другом конце линии, – заступил на должность редактора рубрики в 1955 году в *«Изумруд»*, местную газету Сен-Мало, а затем стал редактором и наконец директором издательства с марта 1963 года по февраль 1972 года.

– А затем? – поторопила я его, и мое сердце сжалось тисками ожидания. – Что с ним стало?

– Не имею понятия.

Я не смогла сдержать вздох. Но разочарование тотчас же рассеялось, как только я услышала в его голосе знакомые нотки возбуждения, так свойственные журналистам, ведущим расследование, когда они нападают на след.

– Но у меня есть еще кое-что. Это должно вам *понравиться*.

Последнее слово было произнесено с подтекстом, который не сулил ничего хорошего.

– Что?

– С самого первого выпуска *«Изумруд»* публиковался на средства маленького семейного предприятия семьи Базен. Судовладельцы с карманами, полными бабок, страстно любящие свой край, но при этом не имеющие почти никакого понятия об издании ежедневной прессы.

– И что же? Как это касается нас?

– Примерно за полтора года до того, как Роже Лебурде исчез из поля зрения, газета была выкуплена. И, судя по всему, как я понял, довольно радикально реструктурирована. Половина штата была сокращена. Небольшой местный владелец типографии, разоренный крупной международной корпорацией... Ну и так далее. Догадайтесь сами, кто находился у истоков этой резни.

– Барле! – воскликнула я.

– Да. Если быть более точным, Андре Барле. Братья в то время еще играли в машинки.

Я попыталась представить вереницу игрушек Динки или Мажоретт, поставленных на тот самый потертый ковер в «Рош брюне», и Луи в белой рубашечке поло и коротких шортиках, с непокорной темной прядью на лбу, с взглядом, уже привыкшим к той напряженности, которую я знала в нем.

– Однако Лебурде сохранил свою должность, не так ли?

– Похоже на то. Всем известно как это бывает: босс думает, что он делает во благо, пожертвовав частью своего коллектива ради спасения других. Затем его просят принести в жертву все больше и больше человек, и в конце концов он понимает, что его обманули. В итоге он хлопает дверью с горьким вкусом предательства во рту.

Говорил ли Маршадо сейчас о Лебурде или делился со мной своими переживаниями?

– Вы уверены, что это те самые Лебурде, у которых родились Дэвид и Эмили? Может быть, эта фамилия широко распространена в том регионе...

– У меня перед глазами лист журнала «Изумруд» с портретами сотрудников редакции, датированный 1968 годом...

«Год рождения Луи», – подумала я. Каждая деталь нашего дела неизменно вела меня к моему мужу, просто замкнутый круг.

– ...и ошибки быть не может: это то же самое лицо, что и на семейном фото под елкой.

Я пыталась прогнать мрачные мысли, которые преследовали меня с момента встречи с Зерки, который приходил осведомиться обо мне. И я решила поговорить с еще одним из немногочисленных актеров моей драмы, который до этого момента ускользал от меня. Будучи раболепно преданным сотрудником отеля «Шарм», принадлежащего Дэвиду и Луи, господин Жак каждый раз уклонялся от моих вопросов. Иногда вежливо, в другой раз проявляя меньше сдержанности и такта, как тогда, когда я вызвала полицию в то заведение. Угрозы тут не сработали бы, это я знала точно. Следовательно, мне нужно было придумать иной способ, чтобы провести его.

– Эль! Какой приятный сюрприз!

Лысый великан, должно быть, думал с точностью до наоборот, видя, как я захожу в стеклянную дверь «Шарма». Его большие голубые глаза без бровей с тревогой вытаращились на меня.

– Месье Жак... Очень рада вас видеть. Я искала именно вас. Мне нужно передать вам небольшую заявку.

– Мне? Вы знаете, что я целиком и полностью в вашем распоряжении, – угодливо произнес он.

– Ну то есть... Не то чтобы прямо вам. А для мадемуазель Лебурде... управляющей.

Я придумала этот небольшой весьма неуклюжий блеф в надежде на то, что он заставит хоть как-то отреагировать старого консьержа.

– Я... – запнулся тот, не став отрицать, что фамилия Лебурде ему знакома. – Это не управляющая, а наш бухгалтер. Что вы хотите от нее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.